

Александр ВОЛОВИК

ПАРАД ПЛАНЕТ

СТИХИ

Москва

2022

...Поэтические тексты Александра Воловика стереоскопичны, объёмны. Многомерны. Поскольку конгломератом образов, смыслов, звуков, а даже и отдельно взятыми словами (лексика богатейшая!) они воздействуют непосредственно на подкорку рядового цивилизованного читателя, а эрудита общего плана дополнительно приводят в откровенное восхищение богатейшей системой образов и смыслов... Поразительна в стихах Воловика поистине редчайшая способность автора вызывать сочетанное воздействие и на умственную, и на чувственную составляющие в сознании читателя. Менее поразительна (то есть — совсем не удивительна) прискорбно малая известность этого замечательного поэта вне пределов литтусовки: такое личностное качество, как скромность и деликатность в отношении к собственным произведениям, — в наши времена подлинный раритет. Недалёкого как бы «любителя поэзии» сложно структурированные тексты, к счастью, оставляют равнодушным. Почему к счастью? Равнодушие не побуждает к дальнейшему чтению, тем паче — к попыткам усвоить смыслы, заключённые в тексте, увидеть ёмкую картину информационного пространства, освоенного человеком разумным за тысячелетия. А не особо широкая известность блестящего, остроумного мастера парадоксальной интеллектуальной поэзии — несомненный признак элитарности его творчества...

Нина Огнева

В 2013 году в издательстве «Вест-Консалтинг» вышла моя книжка стихов «Слово за слово». Тираж её (200 экз.) очень быстро разошёлся среди моих друзей. Название мне разонравилось. И вот я решил переиздать эту книжку под новым названием и включить в неё некоторые стихи, написанные после 2013 года (и одно 2007 года). Они составляют последние разделы, нумерованные годами написания, в отличие от первых шести, «старых», как бы тематических, обозначенных римскими цифрами: I — «визитная карточка»; II — стишки с «гражданским уклоном»; III — стихи про стихи; IV — как бы лирика; V — бредятина; VI — «философические вирши».

© А.И.Воловик, 2013, текст.

© Н.С.Огнева, 2012, аннотация.

Контакты: a-volovik@yandex.ru
 alexander.wolowik@gmail.com

I

* * * (1990)

Январский вечер, но — почти весна.
Не 90-х, нет! 80-х.
И молодость ещё почти видна,
она как звёзды: светит, да не взять их.
Но молодость ещё почти слышна,
почти что ощутима, точно запах,
который во флакон надёжный заперт
и рвётся в щелку. Но почти — весна.
Вершись, игра, пиши моя контора!
Еще провала не видать почти,
где пагубные ящики Пандоры
распилят надо мною скрипачи.
Но жуток перечень грядущих дел и бед.
Гляжу: копеечка. А это белый свет.

МУЗЫКА (1980 – 1985)

Дело, кажется, швах, лопнет кожица в швах барабана,
Do удавит валторну, органом взревёт клавикорд,
и басовым ключом отомкнёт багинеты охрана,
и маэстро рванёт из оркестра и скроется, чёрт!
И сиятельный Бах развернёт оскорблённые брови,
и смахнёт незаметно на лацкан скупую бемоль,
и кровавый взорвётся аккорд у сопрано в утробе.
Рухнет замертво мир, поражён глухотой, как бельмом.

И умрут контрапункты, навязшая в клавишах жвачка.
Изумрудом и охрой мазнёт нас огня помело.
Мы летим под уклон, нас летально нуклон перепачкал,
и летает не клёвый пришелец, а чёрт в НЛО.
Вот он реет над нами, флюидами праха пропитан,
мастер магии мрачной и злой виртуоз похорон.
Выстриг фракные фалды, хвостом опрокинул пюпитр
и, летя, улюлюкает в переносной какофон!

Мы уплатим налог на молитвы и сладкие звуки:
дискжокей, гогоча, заколотит нам в лоб децибел.
Вивисекция лебедя — благо для гитик науки:
как сулил постулат — он не сдох, пока не досипел.
К пароксизму прогресса спелли смертельные споры.
С ними споры безумны: они уже тут, на губах.
В темноте вместо нас расцветают рябые узоры —
сглазил чёрный маэстро, и дело действительно швах.

* * * (1997)

Бог создал бороду. Чёрт с бритвою пришёл.
Бог создал глаз. Враг сделал телевизор.
Бог дал любовь. Шайтан открыл сексшоп.
Бог — край Обетованный. Дьявол — визу.
Бог дал дорогу. Дьявол — автостоп.
Бог дух явил. А бес придумал букву.
Бог — снова глаз. А этот — телескоп.
Бог — сладкий сон. Чёрт — раннюю побудку.
Бог сделал ноги. Дьявол — колесо.
Бог воду создал. Враг похитил пламя.
Бог лошадей. А Вельзевул — лассо.
Бог дал царя. А бес ему — Парламент.
Бог — виноград. А чёрт — аперитив.
Бог дал гортань. Лукавый — матюгальник.
Бог — рай зачатья. Бес — презерватив.
Бог дал жену. Шайтан — гарем стоспальный.
Бог — звуки сфер. Нечистый — звон монет.
Бог — сто языков. Чёрт — со словарями.
Бог — Откровенье. Дьявол — Интернет.
Бог весь — Добро.

— А чёрт?

— Судите сами!

ОТЛАДКА (1986)

*...из грехов своей родины вечной
не сотворить бы кумира себе.*

Б.Окуджава

Когда я надену тапочки и дню подведу итог,
мой дом обратится в капище, где витает в обоях бог.
Но не светлый, от века благодостный, влюблённый в меня и в вас,
а босс, безжалостный к слабостям: моли — не выйдет на связь...

Прогрессивен божеский промысел: не кудесник, но программист
по последнему слову Кроноса оборудовал Парадиз.
Над клавиатурой скрючившись, диодами посветив,
он выведет яркость ручками и выйдет в интерактив.

Но ничуть не запахнет жареным и почти не станет светлей,
когда полыхнёт скрижалями неопалимый дисплей.
Под логином «ADMIN», инкогнито, без паролей и прочих виз
бог разделит на файлы комнату и загрузит на чистый диск.

Он введёт подправленный радиус пространственной кривизны
и засвищет, сангвиник, радуясь, предвкушая конец возни.
За квартирой — квартал, республика и Вселенная вся, легка,
и хлопочет небесная публика под мотивчик из ХТК¹.

Ты прости-прощай, коммуналочка, универсум родной, адью!
Демидургомановением пальчика всю материю свёл к нулю.
Вот сейчас он натянет тапочки и дням подведёт черту,
и не жалко ему ни чуточки Вселенную нашу, ту...

¹ ХТК — *Хорошо Темперированный Клавир* (И.-С. Бах, 1685 – 1750)

* * * (2000)

Извилины — как ясли мысли.
Листки бумаг — её пелёнки.
А ну-ка, Солнце, ярче свистни
и мысли высветли потёмки!

Там, в закоулках трансцендентных,
прижали ушки, как зайчатки,
ещё нейтральны, точно деньги,
её невнятные зачатки.

Но то, что там тихонько снилось,
обрушась миру в гулкий бункер,
на плюс развалится и минус,
на как бы золото и пурпур.

И мысли яростная юность,
равно открыта тьме и свету,
не сожалея, не торгуясь,
распустит золото по ветру.

Но — не один сыграет в ящик,
когда в пурпурном одеянье
она, подросши и набрякши,
осуществит себя – деяньем.

Когда в экстазе вдохновенья
дойдёт до ручки и до точки
и зафиксирует мгновенье,
соединяя проводочки.

И — исковеркан Универсум
исчадьем сморщенных извилин...
О мысль — маньячка, изуверка,
как фейерверк твой замогилен!..

* * * (1998)

С.М.Олиновой

Как сказать — тихо, или погромче?
Да, пожалуй, лучше будет потише.
Хотя можно и грохнуть что твой погромщик:
как война, рифма всё спишет.
Это розы её, метаморфозы,
пресноватая кровь сам-друг с бровью
расправляют в плавленный сырок рожу,
(и моя — гляди — вымя коровье).
И проходит жизнь, и почти рядом.
Покопайся в склизких её анналах.
Ну, не рифму сыщешь настырным взглядом —
хоть в обмылках быта — её аналог.
За которым — когда он как звук подан —
в потрохах эпохи ни эха: тихо.
Вход забыт; выход забит кодом...
Выйти так, иначе ли?.. Метод *тыка*
всех надёжней, ибо — и в том хохма! —
жизнь сама утечёт, бурнѐй рвоты.
Но — сама-сама, а всё ж *так* хоть бы,
а *иначе* очень уж неохота...
А зависит ли судьбы окончанье
от того, как зависнет луна в туче?
От того, засвистит ли в свисток чайник?
И от громкости слова?..
И как — лучше?

МУЗЕЙ (1983)

*Заходите, пожалуйста. Это
Стол поэта. Кушетка поэта.
Книжный шкаф. Умывальник. Кровать...*

Д.Самойлов

Мемориал ещё закрыт: пока что я живу,
Пожалуйста, умерьте прыть, не лапайте вдову.
Ещё ремонта не было, из всех щелей сквозит.
Нет подходящей мебели: на даче реквизит.
В квартире грязь не убрана, гори она огнём.
И дерево не срублено над знаменитым пнём.
Тетрадки нет линованной для рукописных нужд
(в ней будет бред рифмованный, который массам чужд).
В спецхране не пылится крамольный экспонат.
Убавьте скорбь на лицах: не мученик не свят.
Сперва дождитесь акции, чтоб я хотя бы сел.
Пока прогнозы так себе: завал подобных дел.
Как сладко вам поплачется в кругу моей родни,
когда, как всюду значитса, за мной придут *они*.
Сквозь смрадное дыхание грядущих понятых
мне судорога заранее уродует поддых.
Вот-вот всё будет кончено. А вам пора бы знать,
в чьей лапе перепончатой музейная печать.
Пока что не зевайте, закупайте фимиам.
Когда здесь побываете — валяйте в филиал.

ЦИРК (1984)

Пора, пожалуй, в цирк, в программе наше время.
Приобретён билет по блату и в кредит.
И вот — угар фанфар клокочет по арене,
гремит мотоциклет и из вольер смердит.
Ещё летит манеж по замкнутой спирали,
сливаясь сам с собой и взлёт в зенит суля,
ещё медведи жмут на нужные педали
и празднично ревут, балдея у руля.
Но вот — уж не смешно от липкой оплеухи,
осточертел атлет с гирляндой ватных гирь,
и в ложу царскую уже слетелись мухи —
там, репетируя, кровоточит упырь.
Коня! Скорей коня! Полцирка — за Пегаса!
Сперва — хоть пару слов, а там — да будет свет!
Притихнет бенуар, и зрительская масса
шталмейстера сметёт и сменит худсовет.
Займут свои места патриции трапеций,
распределит жонглёр в пространстве семь шаров,
исчезнет вурдалак, оркестры грянут скерцо.
— Виват, прекрасный цирк в прекрасном из миров!..
Но как коварен маг! придурковат ковёрный!
Как публика мудра, *где следует* — смеясь!..
А мы — под куполом. В дверях торчит дозорный.
Он вырубает свет, и — кончен наш сеанс.

АВГУСТ-1991 (18-19 августа 1991)

Мясорубку заклинило — ныли «Реквием» Моцарта,
Созревала яичница под роман о Мегре.
И мазурики штатные сообщали про проценты
и про новое мышление в застарелом Кремле.
Президенты, как мальчики, то дружили, то ссорились.
Парвенозные новшества обживали эфир.
Я лелеял в блокнотике графоманскую скоропись
и цинично прихлёбывал бесполезный кефир.
А металл неподъёмен был, и не стоило пробовать.
Бард мяукал, что якобы занималась заря
(чем — хотелось бы выяснить), и в настырную проповедь
Я вникал безнаказанно и грешил втихаря.
А когда, дирижируя гениальным адажио,
Мэтр (не помню фамилию) всё сердцами владел,
Я в режиме анапеста рифмой текст унаваживал.
а к *staccato cantabile* неприлично храпел.

.....
После дня чёрно-белого, трёхпрограммного нытика,
зачерствела действительность, как увядший батон.
А заря, как безумная, занималась — политикой.
и такой отвратительной, что об этом — потом.

ОКТАБРИ (2005)

Хрущёв и Лермонтов. Октябрь. Допустим, иды.
Решенье Пленума. Рожденья торжество.
Где — лысина?.. Бровей орлы приятны с виду.
Гусар в подгузнике. Стихи манят его.

Ужель в последний раз ласкаешь ты кормило!
Отпустишь — и один. И будто овдовел...
А тот у бабушки, задумчивый и милый.
Сопит и чмокает. А впереди — дуэль.

Не вовремя Покров: всё солнце вылезает.
Захлопнуть бы тетрадь подальше от греха.
Синеют *огурци*. По полю скачет *заец*.
Октябрь уж наступил. Уж роща отряха

* * * (1997)

В понедельник каждый-всякий,
ежедневный, ежегодный
старичок шестидесятник
то в метро, а то пешком
всё лелеет плешь седую
под беретиком немодным
(хорошо б его не сдуло
мимолётным ветерком).
Он был свойственник по духу
диссидентам бородатым.
Где ни глянет — всё чернуха,
всяко лыко в общий счёт.
И теперь, совсем как прежде,
как патологоанатом,
он всё правду-матку режет,
то есть, так сказать, сечёт.
Он выходит из трамвая
и из метрополитена.
Он, как пешка проходная,
переходит переход.
Веку атома и СПИДА
новый век идёт на смену,
а тому до суицида
остаётся, может, год.
Старичок, держи беретку,
нос по ветру (револьвером)
да присядь на табуретку,
дорогой интеллигент.
Нет в ногах (и выше!) правды,
в голове (и ниже!) — веры...
Нэ журыся, всюду прав ты.
Наступает хэппи-энд.

БЕЗДЕЛУШЕЧНЫЙ МАСТЕР (1985)

Безделушечный мастер работает тонко и трезво.
Совершенство в безделке даётся трудом и трудом.
И бренчит в его ранце не маршальский титул маэстро,
а набор инструментов: палитра, блокнот, метроном.

Безделушечный мастер совсем не безделками занят.
Он творенье своё для проверки выносит на свет.
Проверяет на глаз: не сверкнёт ли восторга слезами.
Проверяет на слух: зазвенит, или, может быть, нет?

Он собой недоволен и правит в работе изъяны:
то акцент переставит, то охры добавит в сурьму,
то бравурное *forte* заменит на робкое *piano*...
Вот бессмысленный труд! Он и нужен ему одному.

Но гармонию выверив замысла гибким лекалом,
из властителей мира лишь ей подчинен и не чужд,
он свободен смеяться и видеть великое малым,
и общественный скепсис для личных использовать нужд.

И когда он в отделке безделки достигнет предела,
завершив неразменный на зло и добро сувенир —
пусть останется горькое сладким и чёрное белым.
Что он, в сущности, миру, и что ему, в сущности, мир!

Он работу закончил. Дальнейшее, в общем, известно.
Отодвинут блокнот и уложен в футляр метроном.
И, промыв скипидаром палитру, вздыхает маэстро
и торопится к двери — пока не закрыт гастроном.

СТАНСЫ РОБИНЗОНУ (1990)

По следам людоедского полдника, мистер Крузо,
поступает закат в Ваше веденье до восхода.
Нимфу можете выбрать, а если неймётся — музу
и плодить соответственно — гимн, серенаду, оду...
Мне ведь тоже дано — хоть в автобусе — уединенье.
Или в кухне безмолвной, один на один с минтаем.
Что — Свобода? Она — одиночество, или — деньги?
— Нет ответа. Поскольку мир — нè обитаем.
Дорогой Робинзон! Позвольте представиться. С Вами
говорит одиночка, к сему не причастный миру.
Я витаю, как Вы, в треугольном моём вигваме,
собираю крушений нетленные сувениры.
Простота воровства, звуковой набор деклараций.
Кособокою рифмой намазан сюжет на образ —
и на клетчатый фон нанесён мой стишок дурацкий,
и какой Аполлон внушил его мне, раздобрясь!
А каков Аполлон, такова и его Эвтерпа.
Таковы и иные — друиды, дриады, духи...
Мне бы только успеть проорать, не сбивая темпа,
что-нибудь посмешней из кромешной моей чернухи.
Мне бы только покрыться пупырышками озноба,
мне бы в гавани спрятаться, не поднимая флагов.
А лавровые веники пусть разбирают снобы
на каких-нибудь их коллективных архипелагах.

ПОХВАЛА АЛФАВИТУ (1991)

Из тех же самых тридцати трёх
как стих бы воспроизвести — трёп.
И мне бы сказочку, и вам речь.
А не *покажется* роман — сжечь!
Какая скука — лексикон стен!
Летите, рукописи, в сон, тлен.
Летите ввысь под гром литавр од,
печатный лист, абракадабр код.

Волхвов наитье — прототип строф ...
Но сдохни, принтер, линотип: стоп!
Перед порогом в нашу даль лет —
ни иероглифов, ни альф, бет.
Гермес. Слетает с язычка текст:

«ЛЕЧУ ДАНАЕ ТЧК ЗЕВС».

Баян, на каторгу струны сев —
как индикатор старины, сед.

Греми, симфония! Перун — в Стикс²!
Кирилл с Мефодием. Перо. Кисть.
Тревожно лидерам, но скор срок —
грузиться литерам в набор строк!
Стихотворение. Вина — чья?
Бежит волнение от А к Я.
Что — вдохновение! — В висках кровь...
И — тем не менее — каскад строф.

² *Здесь: Днепр etc.*

УРОКИ МУЗЫ (2006)

Репетиторша Муза всё учит меня: «Полиричней!
Душу, душу раскрой! Да пошире, чтоб видели все.
Что за рифмы, старик! Так вообще рифмовать неприлично!..
Тут — любимую вспомни в её ненаглядной красе.
Тут — уместен пейзаж, непременно с дорожкой лунной.
Там — *обценно* приправь нашу русскую удаль тоской.
А в четвёртой строфе намекни, что созданием юным
увлечён твой герой, ровно сдвоенный Гумберт какой...»

.....
И — корявый балбес — неужели дождусь пересдачи?!
Наконец, оправдаю унылый безрадостный труд?
И каникул мираж промелькнёт сыроежкой с дачи.
И седой академик мне, брезгуя, выставит «уд».
И с условной зачёткой рвану в виртуальное небо.
Там молчит ураган и орудует ласковый бриз.
Что земное теперь! Я всё грезил: небесного мне бы!..
Ну, и вот она, Вечность — труду и усердию приз!

СЛОВО ЗА СЛОВО (2001)

Качается кончик невидимой нити.
Чуть-чуть потяните, и я — понесу.
Не в сумке убоину, не на магните
сомнительной скрепки каркас на-весу,
а — сущность судьбы, что не в блёклом валете,
но в свете Свободы (каков пируэт!)
Пирует со мной уж какое столетье,
нет, тысячелетье — свободен, как свет
властям неподвластен, как лунное блюдо,
как ГИБДДшник, слегка вороват...
Над всеми, кто скачет туда и оттуда,
глумится трёх колеров триумвират.
На суд светофора подходит автобус.
Он очень немолод и, кстати, рогат.
В углу его розовом теплится образ
водителя. Метит в троллейбусы, гад,
идушие боком к зелёному змию,
воткнуть незатейливый свой палимпсест³.
Кондуктора Настю, а может быть, Лию
ладони его возмутительный жест —
крутящий баранку изогнутый палец —
смущает, и ёрзает тазом она
по кафельной ванне. И мыло, плескаясь,
иссякло... Но стирка возобновлена,
и строчки настрочена квота дневная,
и сыплются литеры с красной строки,
чей кончик незримый, искрясь и сигнала,
с тем, первоначальным, сплетёт узелки.

³ *Появление палимпсеста — признак систематического злоупотребления алкогольными напитками — Википедия.*

ВИРТУАЛЬНОЕ БЕССМЕРТЬЕ (2008)

Думать: о почерке и о походке.
Не — о сюжете и цели пути.
Здравствуй, Стрелок, остроумный охотник!
Вспыхни. Бабахни. Внуши. Просвети.
Взрыв — созидатель. За ним — тепловая
смерть. И на всё промежутки — пустяк!
Телом истлел? — Но души сетевая
версия теплится — не в небесах.
Медный узор в эбонитовой тверди
вплавлен, как жук, в материнскую плоть
платы на сервере давнем. Бессмертье —
даром в Рунете даровано. Хоть —
всё мирозданье на фокус похоже
и на арене, как злой лицедей,
Вечность со свечкой дежурит у ложа
с ложью спасенья, со страхом судей...
Всё и кончается Словом. Играя
звук и буквой на зле и добре,
тысячелетье какое — не знаю
там кувырывается в вашем дворе.

ЛЕТАЯ, ЛИКУЯ, ИГРАЯ (2006)

Цитата это цикада — О.Мандельштам

Взлетал я в зенит и планировал вниз,
но я не участвовал в войнах.
Играл бессеребрено в бисер на бис,
как бес у небес беспокойных.
Клевал наклонений калёную суть,
ничуть не склоняя колена.
И лысого флага болтался лоскут
тоскливо — то клёво, то влево.
Болтун многоякий, глумливый глагол,
как гугол⁴, бездонен и гулок,
на руки, на крюки и просто — на пол
не лóжил охальных охулок.
Напротив: матроны, мужья и зятя,
Светланы, Ларисы и Вали
в восторг приходили, в мосторг заходя,
и 5 мне любезно совали.
Шестой — обглодает последнюю кость,
и вот я — журнально и книжно —
цикутой цикады от(п)равлен на пост,
на мост моего модернизма.
От берега А и до берега Б
он реет — от края до края.
Я — виден. Но главное: сам по себе.
Летая. Ликуя. Играя.

⁴ Гугол — самое большое число на свете.

ДУБЛЁРЫ (1984)

Легко охватывать детально весь мир, живя по сто времён!
И вот я экспериментально на сто дублёров расчленён.
Дублёр шевелит левым ухом; два догрызают карандаш:
один из них рифмует сухо, зато другой впадает в раж.

Дублёр снимает хату с краю; другой безмолвствует: хитёр!
С моей женой — уж я-то знаю! — живу не я, а каскадёр.
Вот мы, дублёры по квартире, перекликаемся, жужжа,
как будто мы — сорок четыре обериутские чижа.

Но наше поприще опасно, ни дня нам не прожить без ссор:
Один дублёр воскликнул: «Ясно!» —

«Туман!» — сказал другой дублёр.

И завязалась потасовка, и без труда в один момент
дублёр дублёру рушит ловко его опорный аргумент.

Мы все дерёмся на-отлично: вот нет уже дублёров двух,
и распадаюсь я как личность: направо прах, налево дух.
Рефлексы все из строя вышли, сгустились сантименты в стресс.
Не существую, даже мысля: утратил к пище интерес!..

Дублёров бешеная свора меня живьём загонит в ад,
дублёр дублёру не опора, не друг-товарищ и не брат.
Пора уволить всю команду: эксперимент зашел в тупик.
Но кто из нас подаст команду? Кто — *настоящий* Воловик??..

ВАЖНО, ЧТО СОЛНЦЕ (2007)

Дорога прямая, и солнце блестит,
и звёзды горят на боку коньяка.
Чего не расслышу — пожалуйста: титр,
а не разгляжу — кто-нибудь да подсказёт...

этот сюжет разрабатывать лень,
а хочется жечь, но глагол не из тех.
Я, дамы, пред вами не встал бы с колен,
когда б за плечом не мехмат да физтех...
Из тех, из которых ни выбрать, ни взять
ни ту, что подругой, ни ту, что сестрой,
я буду выискивать и вычислять;
чудесный напиток утроит настрой.
Нас трое, я в лицах различных един:
то царь или бог, то истец и брюнет.
Я то ниспровергнут, то непобедим.
Однако, не червь, потому что — Поэт!
Мне что́ по этапу — что́ по этажам,
что́ влёт — что́ ползком; что́ запеть — что́ запить.
Неважно — позор или славу стяжать.
А важно: что звёзды, что Солнце блестит...

БУКВЫ И ЦИФРЫ (2001)

Как неверный супруг, урка мафии, или, как агент ЦРУ, я живу двойной биографией и, наверное, так и умру. С утра, развозящий цифры по вдрызг ледяной Москве, я ночами играю в игры с буквами: А, Б, В...

Вроде граней кубика Рубика (но проворнее) их кручу, и в скрипе мне слышится музыка (одна из моих причуд), может, бледная или резкая, а по мне — как раз в аккурат, за застиранной занавескою бормочет всю ночь подряд... Но наступит число на грабельки в одно из пасмурных утр, и те цифирки как кораблики, в рублик сложены, приплывут.

В этой связке — Рубики-рублики — компоненты равно важны. Суммы пусть будут кругленьки, остальное — любой длины. Приручившему стаю ангелов зла-добра не пресечь черту... Как атлет, увенчанный штангою, равновесие грузов чту. Может, цифирки повесомее: их ведь меньше на тот же вес, но зато от них больше оскомины, а от буковок больше чудес... И пока эскалатор стонущий, обживаемый мной встояка, репетирует рёв чудовища, я, подрёмывая слегка, чудесами и пользой схваченный, балансирую на тропе, как отец перекрёстной мафии или ставленник КГБ.

МУДРОСТЬ + МАСТЕРОВИТОСТЬ (2011)

Мудрость плюс мастеровитость
это алгебра для всех.
Результат сложенья выдаст
оглушительный успех.
Надо жить не понарошку,
не *мышом* со склада дней —
поверяй свою гармошку,
пусть пиликает складней!
Чтобы жизнь предстала сказкой,
да прекрасной, а не злой —
на прозаиков не *кафкай* —
с поэтесской *небосклонь*!
Мир обыденности тусклый
повода порвёт и пасть.
То нажмёт на кнопку пуска,
то за денежками — шась!
Тот же, кто мудёр и мастер
(догадались? — Это я!) —
выше страсти, выше сласти,
секса, бакса, бытия.
Он, смеясь, по небу реет,
он касается травы.
Он и светит, он и греет,
он и радуется.

А вы?

ШТУКИ (2004)

Стихотворение — не анекдот.
Не излияние и не глюк.
Не *чувств половодье*. Наоборот.
Это — УПОРЯДОЧЕННЫЙ НАБОР ШТУК.

Дам пояснение, кто туповат
(в первую очередь для себя).
«ШТУКА» — то, что летает — над,
фабулу комкая и торопя.

ШТУКИ — первичны. Как Слово: То,
Сказанное (О чём?.. Кому??..)
— Ну, а про что они? — Ни про что.
— Свет-то прольют? — Ни в какую тьму.

Каждая — абсолютно чиста.
Как эталон. Или — ориентир.
Это — кристальная красота.
Она никогда не спасает мир.

ШТУКА за ШТУКОЙ свой звон, штрих —
вносят *поштучно*, и вот (вдруг!)
выкристаллизовывается — стих.
Т.е. УПОРЯДОЧЕННЫЙ НАБОР ШТУК.

В ФИАЛКОВЫХ ПОЛЯХ (2011)*Лене Морозовой*

Я выжил в хрупком мире чемоданном⁵,
убитом злобным глазом полицейским.
Я вышел в свет с отмычкой от неба,
простой односторонний человек.
Меня пугал примерный биоробот,
пока я плыл, летел, пока вращался
в мерцающем ромашковом фокстроте,
пока я фрукты райские вкушал.
Я в небесах носился храброй птахой,
произносил смеющуюся ноту,
но мне не зря сияет глобус Солнца:
я заблужусь в фиалковых полях...

⁵ Образы этого стихотворения взяты из чудесной книги Елены Морозовой «Фиалковые поля» YAM-publishing (г.Саарбрюкен, ФРГ), 2012

26 МАЯ 1966 ГОДА (26.05.2008)

Памяти Георгия Ница

В 66-м году, 42 назад
ярким утречком лечу я в цветочный ряд.
Облечён доверием, праздновать я рад
бракосочетания радостный обряд.
Вот я роз букет везу (розы — расцвели!),
к жениху на Курскую, после — на Фили.
Майский воздух светится, сладок и упруг,
и впервые женится мой высокий друг.
Я и сам половозрел и слегка нахал,
девушку какую-то в лифте целовал.
Ма́шину знакомую в лифте целовал...
В мае губы просятся к девичьим губам...
Протекло всего-то лишь 40 с малым лет.
Губы так же тянутся, а ответа — нет...
Да и брак разъехался (дважды) по частям.
Гера, Друг высокий мой, где теперь ты сам...

АХ, СИЛЛОГИЗМ! (2008)

Ах, силлогизм, при чувстве — челядь,
непостижимом, как Сион!
Как математику поверить
в произвольность аксиом!..
Играть не буквой бы, а смыслом,
взлететь, хотя бы *вполхрома!*
Но рвутся перепонки систол
и плевры серой бахроме.
Чтоб тут дышать, хватая жадно
озон озноба, чуждый рта,
имей иной дыхалки жабры,
прецизионную гортань.
Не волк, но перекуйся в кузне,
сварись в 13 котлах,
пройди труда искус невкусный
и под каток асфальтный ляг.
В овечьей шкуре зубоскала
укрой укромный силлогизм.
А алгебру его вокала
гармонией поверит — жизнь!

ВЕДЬМИН МУЖ (1984)

Пока газеты шелестели,
взывая к классовой войне,
летели светлые недели
в арбатской лёгкой тишине,
бил в окна май зелёной масти,
план перекрыв по листажу.
Мещанское, но всё же счастье
зажгло, казалось, абажур.

Пока вполсилы миллионы
ложатся в ров за рядом ряд,
горят Арбатом лампионы,
а рукописи — не горят,
и в скучной суতোлке службы,
между планёрок и речей,
единственный твой профиль нужный
вставал из пепла чертежей.

Но пробил час нечистой силы,
всплыло весомое дерьмо,
и чёрным вороном настигло
меня безумное письмо.
О как прозрачен шифр твой детский:
«Я стала ведьмой. Не ищи»
Да как найдёшь тебя в советской
полярной ночи и глуши!

Ни гром, ни ветер не ответят,
где труп твой — сколько бы ни звал,
и даже дьявол не ответит
за то, что правит этот бал.
Лишь пляшет мразь поганой стаей,
круша сознанием бытие,
и всё живёт и побеждает
афёра вечная её.

МОЁ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО (2002)

Моё «КУПАНЬЕ КРАСНОГО КОНЯ».
Моя вДали «ГОРЯЩАЯ ЖИРАФА».
Мой «МЕДНЫЙ ВСАДНИК», медного уняв
лихого скакуна, чей вздорен нрав,
зрит *медным взглядом*⁶ (для внушенья страха).

И спят мои, натужась, «БУРЛАКИ
НА ВОЛГЕ» — на ходу, но сбросив скорость.
Мои «КУРИЛЬЩИКИ», а может, «ИГРОКИ»,
понурысь, как и те, что у реки,
храпят, клубясь, в густой траве по пояс.

И в адрес жён их, крашенных красуль,
моя «ДЖОКОНДА» хмыкнет плотоядно...
«НАД ОМУТОМ» моим сверкнёт лазурь,
и сколько, мой «ПРОРОК», глаза ни щурь —
на мне не отыскать порока пятна.

Напрасно «ОБНАЖЁННАЯ» моя
влечёт меня в объятья всё смелее.
О как бы в них хотел очнуться я,
когда бы не валилась на меня
Вселенная в «ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ»...

О, мой «ЛАОКООН»... Я сжат кольцом,
удаву в зоб протиснут массой вязкой...
Ещё момент — и жизнь пройдёт, как сон.
Он выплюнет завязку от кальсон,
и вот: стихотворению — развязка!

⁶ «...я знаю, что если человек взглянул на другого человека медным взглядом, то уж рано или поздно он неминуемо убьет его.» — Д.Хармс

* * * (1983)

А.

Я не живу с твоей карточкой,
лживой от времени, крапчатой,
выжил и так, и пожалуйста —
даже глаза не мокры.

Время садиться на корточки:
прошлое рад до утра б читать,
время качаться китайчато,
веки полуприкрыв.

Время — садится на корточки.
Память — светла и улыбчата.
Впрочем, чревата провалами:
связь-то времён порвалась!
Смрадно дыхание форточки.
Стрелки часов — точно рыб чета.
Плавает пепел по комнате,
пачкая красный палас.

Время сочится песочное.
Чушь утечёт чемоданная.
Память, как магия магния —
миг ослепит и спалит.
Мафией лайнер захвачен...
В фарватере — Обетованная...
Но где же твоя фотография,
главная, как исполин...

ЛИРИЧЕСКИЙ СТАРИК (1988)

Когда мутный дождичек загоняет в подъезды
редких, как из Красной книги, могикан,
остаётся на улице один — облезлый,
никудышный, дурно пахнущий старикан.
Ему свищет милиция, а он, как заяц:
чмокнет полуботинками и — наутёк.
Чего ему неймётся? Одолела к парочкам зависть?
Так ведь они же смылись, или он не усёк?..

*Нет, старикова пара с ним пролетает рядом
В штапельной миниюбке с клёвым таким бантом.
Памятный Шестигранник реет над бедным садом,
архитектурный призрак, молодости фантом.
Небо зазря шуршало, корчилось и ловчило:
что старичку циклона ватная карусель!
всё перед ним кружится — гипсовая пловчиха,
пёстрые фейерверки, мятная карамель!*

Здесь, за горбом эстрады, дед младым шалопаем
лихо шастал кустами, будя ошалелых ворон,
и пыл его в молодости был так же неисчерпаем,
как в известном атоме — электрон.
Это он после сдал, хотя в нём и дремлет
прошрое, просыпаясь иногда на беду.
— Дедушка! Обождите меня! Я — Ваш преемник.
Можно — до остановки с Вами дойду?

ЧЕЛОВЕК-МИРОЗДАНИЕ (2009)

Владимиру Герцику

I

Я человек полнолуния, комнатного безумия.
Не прозябаю втуне я, но тороплюсь в полёт.
Утро ли, ночь ли лунная — ну-ка, возьми в игру меня,
я поступлю, не думая — весь, как автопилот.
Я человек. Во льду ли я — всё, как в жерлѣ Везувия.
Тут не игра, в дыму моѣ — всё: и душа, и плоть
Действие — наказуемо. Рухнет — лови внизу его.
Крайний-то — я! — Ату его! Вот — бытия оплот.

Я человек неумения.
Я человек, потрясения.
Я человек увядания.
Я человек до свидания.

II

Я человек воскресения. Жизнь проскользнѣт без трения,
но — за крупицу времени, сорок каких-то лет —
не тормозя мгновения, сдвинет, отжав сцепление,
фокус стихосложения времени драндулет!
Я человек говорения — тусклого, но горения.
Не для меня гниение: мне не пристало — тлеть.
Я — человек хотения. Я не во тьме, но в теме я.
Вам ли сдержать в узде меня, пряники, петля, плеть!

Я человек разумения.
Я человек вдохновения.
Я человек созидания.
Я — Человек-Мироздание!

ЧАЙНИК (2010)

Век живи. Научиться молчать на вопросы.
Бездыханность мобилы... — Могилы? — Ну да.
Розы — стихотвореньям, а прочее — в прозу.
Та́к прозаик распишет — шарман (лепота)!

В храм науки войду ли, в любви ли обитель,
бьюсь ли над теоремой (без то́лку — увы),
развлекаюсь ли контаминацией литер
или с френдами *чачусь* журналов живых —

всё едино: зависнет премудрый компьютер.
Дыба быта добьёт меня, пищи ища.
Ёкнет мышца и щёлкнет компостер кондуктор:
скок! — неловко головка от туловища...

Погляди, не боись, корифей, на Горгону,
не моргая, и гонор глумливый умерь...
Я дурацкий шансон волоку по вагону —
прочь от проводниковых драконовых мер.

Да, о розах! Я рос и не нюхивал чайных.
То же самое — чёрных. В бокалах *аи*.
Я — о прочем. Я, впрочем, в прозаиках чайник.
И в поэтах. И в жизни. Привет. Ваш А.И.

ЗВЕРУШКА-66 (2008)

Он крадётся, кренясь, на нестёртых шестёрках кривых.
Краевые дефекты эффектны, как те фейерверки.
Он упруго привстал, он увидел, наверное, львих.
Ловок, хищен, незрим...

Может быть, он блефует? — проверьте!

На грядущие ритмы надеясь, и веря, и ждя,
он в преддверии бури бравурную гриву развесил.
Даже ночью, и в дождь сокрушителен жар куража.
Не жалей. Не залей! Он поэт, он поэтому светел.

Шесть столетий, спустя рукава, просвистят, как пустяк.
Аксакал, с высоты своих всех, он оскалится: классик!..
И шестёрки расчищают тропинку, что стала — СТЕЗЯ,
здесь он пасся младенцем, под стулом, на лысом паласе...

Вот он точит резцы, ставит лапу, и всё впереди.
Он писать приспособится, писать притерпится в тазик..
— Что же делать, скажите?.. — Попробуйте аперитив.
А потом — попытайтесь сомлеть в эксклюзивном экстазе.

♥♥♥ (1984)

Марине

Птица голубь на фоне помойки,
в клюве ветка, в руке карандаш,
в небеса не взлетая нисколько,
я клюю то, что дашь.
Я всё время фатально впадаю
в э-ле-ги-чес-кий, кажется, тон.
Я воркую, топчусь, унываю
и не знаю, что будет потом.

КНИГА ЧУДЕС (1991)

Нежностью книжника тронута книга чудес.
Благоухают страницы корицей и сдобой.
Но перечтём не о хлебе, насушенном днесь,
не о текущих лепёшках, отравленных содой.
Нет! О рокфоре, светящемся сизой слезой,
об уставном соответствии специй посолу.
Празднично брызнет рассыпчатой пеной Праздрой,
и кордамон, салютуя, зависнет над Псоу.
Срам осетрам, прозябающим в сонном садке!
Жги им глаза, отражённая жуть мельхиора!
И трюфелям: не являются ни перед кем
из-под земли, а уже угождают обжорам...
Странно совку в непредвиденном мире сластей,
трудно жевать сочетания букв — постигая
силу филея, полезность травы сельдерей,
возгласы устриц, ранимую плоть расстегая
Проще усвоить: от сердца — хороший коньяк,
чем приготовить уроки: как жрать артишоки.
Вот кон-соне, про-фит-роли. А вот, на полях
почерком ржавым проставлены цены эпохи.
Слаблю поваренный текст за его прямоту,
за лапидарность советов хозяйкам нездешним.
Хочется печь и варить. И дарить животу
сладкую жизнь. Но в разумных пределах, конечно.

АНТОНОВКА (2012)

Август на осень оставил смог.
Но не густой, и я смог отладить
слёгший — полёгший под сленгом — слог
в тексте — костистом (лишь звука ради).
Мой звукоряд весь октябрь зяб —
как у барона рожок, как зяблик —
к *нашим* баранам возврат — в рюкзак,
празднуя — в обществе спелых яблок!
Там — залился! — Так поют щеглы —
быдлу, смердящему перегаром...
Крайние меры помочь могли б
малым сим — мылом. Мылом малым.
А мимо со свистом — то лес, то гарь,
желтея песочно, ведь осень, осень!
Столовая. Кладбище. Бар. Бар
крикливые виллы. Чёрнополосен,
белый шлагбаум проплыл во мгле,
где кудри торфяников длили тленье.
Огонь, огорошен водою, млел.
Клесты, краснорожи, с рябин слетели.
Пора бы и мне дожидать снегов,
сося что попало в глухой берлоге.
Лелеять надежду, беречь любовь,
пригубить эзопов язык для пробы.
Но рельсы, как сёстры, бредят Москвой.
Антоновки вздох все следы попутал...
И я возвращаюсь домой — герой,
плодами *не* перегруженный путник.

СКАЗКА (2008)

Слов в обрез. Мыслей тоже негусто, по правде сказать.
Образ жизни похож на какой-нибудь *modus vivendi*.
Я, как Ваня-дурак, шкандыбаю, плешив и пузат,
в лубяную избушку к косматой взъерошенной ведьме.

Уж не знаю, почует ли мой отвратительный дух
и пихать меня в печь поспешит ли, подставив лопату.
Я скажу ей: «Бабуля! Чего ты взъерошилась вдруг?
Прямо жар у тебя. Не слетать ли сейчас к аллопату?»

И она расхохочется вдруг, словно фея, юна.
И воскликнет весёлым девчоночьим басом: «По мётлам!»
И уже мы летим! И вокруг расцветает весна!
И орлы поднебесны роняют на спины помёт нам.

В *vitu novu* летим, вроде Данта с Петраркой своей
или как мастерок с разбитною своей маргариткой.
Челюстями вставными напрасно не клацай, Кощей.
Хрен догонишь нас: ты, *иммортель*, недостаточно прыткий.

Я стал тоже иной — обольстителен, строен и юн.
И в любом направленьи сумею обрушить удар свой
Кроме Волка, со мной рыжий Кот, между прочим, Баюн.
И считай, что моё уже всё Тридевятое Царство!

ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ (2011)

Город дорог ли? Добр? Зол? —
Я не просёк мóзгом.
Слухом неловким ловил узор
звуков; хрипел гриппозно.
И пренебрёг турниром самцов,
пунцов внутренним цветом
(долгий утробных низов зов
не удостоил ответом).
Тóлько я глянул вскользь сквозь
чуждый видеоискатель —
тут же трофеем его унёс
неприятель... или — приятель?..
Ветрено кашлял. Высушив пот,
топал по пыльной плитке...
В общем, вышло, что я не тот,
не кот, до вкуснот прыткий.
Публику зля или веселя,
в скучной увяз вате...
Так что я оказался — я:
сам себе адекватен.

V

СЛУЧАЙ С ВОЕННЫМ (2008)

Военнослужащего полюбила змея.
Она ночами вползала к нему босиком.
А военнослужащий был такой же, как я.
Только я с их уставами поменьше знаком.
Он был, видимо, храбр: от армии не косил.
И дедовщину с пониманием принимал.
И то сказать, тронь его какой-либо дебил —
до койки до собственной вряд ли бы дохромал.
Вонзился в дебила бы жала злой язычок,
дебилу бы плохо было, он даже бы сдох.
А военнослужащий получил бы зачёт,
боевой отличник и кавалер орденов.
Он потом, наверное, генералом бы стал,
потому что сызмала жезл железный носил,
потому что верен был лишь змеиным устам
и от армии потому что не откосил.
А я перевожу, запаса старый старлей,
в черновики лес, чтобы пнями прорастал в них.
Не взрывал не орал: «Огонь!» И сам себе змей.
И даже курсор от меня уполз, изменив.

ПАУК И МУХА (2007)

Человек-Паук укусил Человека-Муху
Человеку-Мухе лететь бы куда фасетки
Но он был аскет и сознательно шёл на муку
И нарочно запутался в цепкой паучьей сетке
Человек-Паук питательно впрыснул в кожу
Человека-Мухи сок чтоб толстела мякоть
Обезболил добавил к соку стакан наркозу
Округлил как нолик до самых дотошных знаков
Окормил как батя по-полной и ждал надеясь
На наружный процесс верней на его ферменты
Человек-Муха вспотел переполнен через
И впервые подумал что сладкие экскременты
Для него возможно потеряны безвозвратно
Равно как и самки сладкое же жужжанье
И телесно выпитый залпом от жажды жадно
Он душой улетал на новых крылышках ватных

БУБНЫ И ДРУГИЕ МАСТИ ЛУНЫ (2010)

Окольцована Вселенная-птица — кем?
Небо — ночи чучело ли, луг ли Луны?
И Луна — не колобка ли литой манекен?..
Цопнуто кольцо-то! — Нибелунгами ли?
Бурные валькирии, трилистники треф,
мастеру Вальпургию бубнили хор.
Червлёными пиками в лунный серп
целили, метафоры метали с гор.
Эллипсы-параболы, скринсейверы-псы,
сторожите жителей — пасынков лун,
когда масти лунной на выпасы
шествует животных седой табун.
Бубном потрясающий, пикой востр,
карлик где-то канул в конце Луны.
Средь трефовых клеверов или роз
спят сухими червами — валуны.

* * * (2010)

Полковнику никто не пишет

Г.Г.Маркес

Нагляжусь из окна на луны невалютный лимон
и — на волю: скрепя аппетит, посетить общепит.
Я банкрот. Все мои сбереженья потратила моль —
нафталином колоться, колёса клоповника пить.
Извините, Полковник, я шлю Вам письмо за письмом,
настоящий, но старший и старый, как хрен, лейтенант.
И не тянет запас из кармана на жизненный склон
ни копья, только пью невалютной луны лимонад.

ВСЯК (2011)

*и назовёт меня
всяк...*

А.С. Пушкин

Путь вьётся, как угрь фри.
Уж финиш, а старт стёрт.
11 вдруг: три.
Четыре, прикинь, 100.
Устои — пустой сон,
учтивая чтив дичь.
Ни шанса на шáнсón —
сподобиться б спеть спич.
Нерадостен груз грёз:
трезвонил, дерзал — зря.
Дозатор двойных доз
зашкалил, разбег взяв.
Где разница: тел? лет?..
Не сгинь, но согни миг!
Да, в сущности, мет — нет,
в чьей памяти игр — *гиг*⁷.
Темнеет, и стих стих.
И Windows в окно — звяк!
И в судороге в горсти
сдох сущий
язык.
Всяк.

⁷ *гиг* (разг. прогр.) — гигабайт

ЭТЮД (2004)

Она издавала панический крик,
который был слышен издалека.
Она издала несколько книг
общим тиражом, неизвестным пока.
Она веселила скромных мужчин,
я даже сказал бы — трэфных хряко́в,
и дюжину кофеев «каппучин»
без закуси на-спор смела с лотков.
Когда же поплыли наперекосяк
любимые — город — газон — кровать,
она говорила одно: пустяк
и продолжала пиры пировать.
Но вот, как в частности, так и вообще,
затмила светило чужая тень.
В дверях засветилась заглавная «Ч».
Плеер облезлый обрезал трель.
Летучие крылья сложил вампир,
и бухнул колокол — ни о ком...
Пойми теперь, кто — бормотал, вопил,
и кто — выпрыгивал из окон!
А там, где вибрировал хронотрон,
перелопачивая быльё —
свалка разобранных хромосом
для вос-произ-веденья её.

* * (1962 – 2014)

Купола залатала игла как могла
Углеглазая мгла за углами легла.
Повезло, и зело узколобое зло
узловатым козлом за излом уползло!

* * (1962 – 2007)

Полили ли лилии, пилили ли липы,
пуляли ль по линии палеолита,
по пеплу ли плакали, плова ль алкали —
поплыли на плюс, а на полюс попали...

* * (2002)

«Молебен мобилен. Ломи, молибден!» —
под блюда не мы ли долбили...
А кто не добыл, или, там, не добдел,
те, блин, обалдели, дебили!

* * (1988)

Для встречи с вурдалаком
намазал морду лаком,
а то бы больно лаком
я был бы вурдалакам.

* * (1962)

Папа пепел сыпал на́ пол.
На́ пол пепел сыпал папа.
Мама мыла этот пол —
Навалило пепла, мол...

* * (1972)

Не будь добра до брака,
но в браке, будь добра,
добудь под брагу рака
да против мрака бра.

ОВОЕ

* * (2006)

Шёл парфюмер в Парфенон:
был ювелир юбиляр.
Нёс сувенир суверен...
Стой, фарисей! Семафор!

* * (2006)

Цаца Тата *чатится*.
Тате кстати танцы-то.
То-то Тата тащится
от цитаты Тацита!

* * (2010)

(написано в жару)

От куска отпуска
пот с виска. Стоп, тоска!
Тот пускай — в топку скал,
кто с куста ток пускал!

* * (2013)

Сибарит брезгливо брёл, небрит.
Бриз обрызгал брюки баронета.
Бросился брюнет под броневик.
Барышня брюхата от брюнета.

* * (2012)

Бег зебр скор, резв, дик.
Дождь. Где зонт? Льёт с крыш.
Гром. Но вдруг вновь тишь.
Мир всем мил. В дом — прыг!

* * (2014)

Я, как газ, влетаю в лоно
полуполного баллона.
В этот газовый баллон
влазит базовый галлон!

* * * (1999)

*Дм. Авалиани, А.Бубнову, С. Литвак,
Г.Лукомникову — мастерам*

Палиндромы, анаграммы, *листовертни* и т.д.
рыщут как бы за горами и в неведомой воде.
Наклонись за отраженьем, глянь — и вытянешь сюжет —
и из пальца, и из жмени, без страдальцев и без жертв.
Без какого-либо катор-

жного рабского труда
с симметричного плаката в рифму лезет ерунда.
Но за этой ерундою, незаметные почти,
славу стройке и удою запевают трубачи.
Они дуют, поддувают, раздувают смысла свет,
но выводит их кривая в те края, где смысла — нет.
И бесформенная заумь кличет книжку и тетрадь
плакать твёрдыми слезами, *красным смехом* хохотать.
Ни сюжета, ни морали, из трезвона бубенцов —
тили-тили, трали-вали, чики-брики, *цекон цов!*..

ВЕК МНОГОЯК (2008)

Век многояк: то трепет недр, то цокот монет.
То нет Материи как нет, то Времени нет.
Но он проедет перегон и ляжет в аннал.
Его не сгубит самогон-тротил-аммонал.
И, руша фабулы скелет, событий мян воск,
сечёт-сечёт его (сто лет не просечёт!) — мозг.

Оцифровал за годом год — и что, что их сто! —
компьютерный бесстыжий код, и врёт, и врёт — что́:
превышен уровень того, принижен — сего,
и где резвилось божество — гниёт вещество.
Ещё вчера зияла щель — сегодня: бугор.
И не злодействует Кощей, смещённый Ягой.

Деревенеет капитал, чтоб ткань стала — сталь.
Где голос пел и обещал — сегодня: «Отстань!»
Вот пожелтел газетный лист, не жжётся глагол,
Ваяет монументалист мемориал — в стол.
И всё напористее тьма, безжизненной свет.
Нет памяти и нет ума. И времени нет.

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕЩАЕТСЯ ПОСТУПАТЕЛЬНО (2007)

Время перемещается поступательно
и почему-то рябит поперёк.
Выдыхает мгновенья спрессованные
знаменательных и незнаменательных дат.
Ах, как — по этому эскалатору,
движущемуся вниз и вперёд —
я с удваивающейся скоростью
пробежал бы вверх и назад!
Быстротечные нулевые года,
т.е. от нуля первого по десятый,
пока почти что не в счёт.
Они, правда, чем-то, и даже многим,
похожи на те, что давно прошли.
Как будто бы некто в бесцветном,
а может быть, просто чёрт,
Из особенной эзотерической вредности
перепутал девятки, тройки, нули.
Во всяком случае, я б оттолкнулся
пятою *ошпóренной* от современности и — айда —
в смутные девяностые,
где грозные теперь олигархи ходили под стол,
где путчи коммунистические
сотрясали столичные города,
а свободному телевидению только ещё грозили
державным перстом.
Приостановился бы в памятные 80-е
и поглядел бы ещё, может быть, разок,
как в апрельском озоновом воздухе
б-я статья Конституции неуклонно катится под уклон.
С дебатирующими депутатами,
как серсо, покатал бы Пятое колесо.
Отоварил бы свеженькой водочкой
ежемесячный блёкловатых тонов талон.

Задержался бы, застоялся бы
ещё на 10-летие-полтора позади.
Кроссворды в душевной курилке,
ЛТП (личный творческий план), стенгазета по вечерам.
Производственные чаепития,
мемориальные пряники,
строго с портретов — вожди.
Все ещё живы и деятельны.
Дети лопочут и ползают — пи-пи да ням-ням.
А чуть выше — сангвиником-козликком
я по лесам, кинозалам и даже озёрам
(не бодаясь!) скакал.
Ах, гулянки, экстаз молодой, поиск *методом тыка*,
вот-вот догоню, (о)познаю, короче — найду.
И неожиданный после *увенчанный*
закономерный
и, как оказалось, довольно успешный финал.
То есть новая жизнь началась и, возникнув,
в момент отменила предыдущую как ерунду...
Ещё на ступеньку-другую, и вот:
год одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмой.
Май. Орлов над вокзалом и молнии над мостом
я вижу, как будто вчера...
Июнь. Полыхание запаха: липа.
Не злой, но всё-таки, кажется, зной.
Август-сентябрь. Жара.
И отчётливо слышно лязганье танков из-за бугра.
Но выше, выше!
Туда, где доска в интегральных красуется кружевах,
где среди лекции по *диффурам* приёмник,
чуть ли ни детекторный — Гагарин! — вскричал.
Несанкционированный выплеск восторга,
манежные струи очищающих вахт...
Всё теперь — наше! Москва — космопорт,
спутников гордый причал.

И ещё: по склонам грядущего МКАДа
укладка квадратной травы.
Целина, где восходы, свинарник
и розовый тальник на нём.
И картофельные пыльные будни,
без годов и без дат, увы...
Это время, с которым сегодня я как бы на Вы,
а когда-то скакал и резвился
весёлым и глупым конём.
И на угли глядел у костра,
однозначно и монотонно угасающие к утру.
И думал: вот это запомню теперь навсегда
(и запомнил — вот!)
А наверное, это я (да и все мы)
в такую играли игру,
как бы двигали фишки: работа, урок, поход...
Я смотрел как на площади Красной —
ещё допионерские карамельки жуя —
из далёкого ряда, у ГУМа,
а в душе ликовал и пел —
небольшой — но я знал, что Великий —
человек в шинели (это я Его вижу! Я!) —
попирая могилу предшественника,
выколачивал смрадный из трубки пепел.
И уж вовсе времён в глубине я гляжу,
как, найдя под откосом тайник,
мы, дети, кидались боевыми гранатами
(и почему-то не взорвались).
А однажды с юга на север
(или с севера, может, на юг) —
откуда он к нам проник? —
проплыл дирижабль краснозвёздный
зелёный, как огурец
или длиннозёрный гигантский рис.

Внизу за глухим забором, но сверху мы видели всё,
жил бывший поверженный враг:
пленные хмурые немцы копошились,
и доблестно их сторожил наш геройский конвой.
Мы знали: *покажь* им красную тряпку,
на советский хоть отдалённо похожую стяг —
ух как бы они — *Доннерветтер!* — зашлись бы,
закашлялись в ругани злой!..
А бабуля на керосинке, не глядя — да и зачем! —
варила рисовый суп.
Толокняную кашу под цвет одеяла,
мешала в кастрюльке и грела среди одеял.
Дедушка с мамой трудились за свой небольшой
ещё дореформенный рупь.
И постоянно отсутствовал
пропавший без вести папа,
которого я никогда не видал...
Что ж, эскалатор приехал, вот оно, начало времён.
По дороге в Москву
безликий мужчина в кепке надо мной,
на подушке узкой лежащим, глянул в окно:
«Подъезжаем к Казани» — сказал —
и с этой фразой я почему-то всегда живу...
Но ещё из времён было самое давнее,
скажем, времени — дно.
Стульчик высокий, кажется, серый,
но может, и голубой.
В кухне просторной сияет и блещет
медный начищенный кран.
Около двери соломенная копна —
она называется просо — стожок небольшой...
С дедушкой на траве... Печенья-коржи на соде...
Далее тишина, бессловесно гаснет экран.

ДЕЛА СУДЕБНЫЕ (2006)

угрожал ножом нанёс побои // след зафиксирован
справкой врача // врезалась в пень пострадали двое
// вывихнула ключицу плеча // окопался с бабой в
проданном доме // дверь на замке телефон отключён
// отлучился на год в пустыню гоби // она уже с
ветеринарным врачом // ворвался в комнату ругался
матом // махал кулаками дразнил собак // соседа-
ветерана обозвал «приматом» // научила ребёнка
«папа дурак» // заявился пьяный крушил посуду //
пианино деку разбил топором // не спускает воду
гадит повсюду // жилая квартира беспредел погром
// ехала на красный вырвали мобилу // потерял
расписку чемодан вокзал // отобрал бумажник прямо
у могилы // справка об отцовстве нанёс угрожал

* * * (2006)

Забудь каток и колесо, историю и шар.
Забудь наивное — когда ты верил: что-то есть.
Недоказуемое ВСЁ, неведомым шурша,
всё тает-тает... И еда — единственная *вещь*.

Увы, законы (дважды два) и практика (курьёз!)
равно сомнительны. Одна метафора права,
Она с капелью ржавых крыш сольёт дождевики слёз,
к вулкану приравнивает прыщ и к музыке слова.

Метафора родит лиризм, она включает свет.
И в этом свете (только в нём!) является предмет.
Всё — виртуально: водоём, квартира, интернет...
Так называемая жизнь необъяснима. Нет.

ВОЛОВИК ЛЕКАРСТВЕННЫЙ⁸ (2012)

В мир проведён по кастингу,
душ золотою ковкою,
я — Воловик лекарственный,
я — снеговик с морковкою.
Что же, что небо пасмурно,
словно бы бесом создано!
Я исцелю от насморка
и от любви без отзыва.
Я успокою боли и
все рецидивы — побоку!
Прочь! — чернота меланхолии,
ревмодонтоза колики!
Цапнет це-це ли цепкая,
кляцнет тоска ль клыкастая —
хватит махать рецептами!
Я Воловик — лекарственный.

⁸ *Воловик лекарственный (Anchusa officinalis) обладает противовоспалительным, антибактериальным, ранозаживляющим, смягчительным, отхаркивающим, жаропонижающим действием. Используется также при онкологических заболеваниях.*

НЕОБЪЯСНИМАЯ ДУША (1981)

У менестреля и министра,
у атташе и алкаша
звенит, как нимб и как монисто,
необъяснимая душа.

Она летает и бушует,
подобна плазме и огню,
и ощущает душу жулик,
и партгруппорг, и инженерю.

Крестьянин, в сумрачном навозе
копаясь кончиками вил.
И за бойцом летит в обозе
душа на паре хрупких крыл.

Интеллигент страны Советов
и соль земли — рабочий класс,
ужель идеализма ветошь —
душа — гнездится тоже в вас??..

Ужели гид нематерьяльный
вас вводит в радость и тоску?
То — как джигит — в сальто-мортале
коня меняет на скаку?..

* * * (2000)

*Быть может, всё в жизни лишь средство
для ярко-певучих стихов*

В. Брюсов

Ни вздоха, о друг мой, ни вздора,
какой ни получишь сигнал.
Пусть даже подарит Пандора
свой ящичек, чтобы — сыграл.
Сыграй. Например, в ре-миноре.
Народ зарыдает навзрыд...
Но помни: *temento*-то — *mori*!
Забудешь — а он не простит.
Ты будешь стремиться всё выше,
но вновь понедельник, и вот —
в подельники к чёрту запишут,
дадут от ворот поворот.
А дальше в какой-нибудь вторник
свершится судьбы произвол.
Тот, чьё бытие не бесспорно,
будильник на вторник завёл.
Так выкинь обиду из сердца,
пусть в нём только боль и любовь.
А жизнь — эксклюзивное средство
для звонко-певучих стихов.

ПАРАД ПЛАНЕТ (2000)

Всё, вроде, кончено. Заделов больше нет.
Подобраны все рифмы (на помойке:
там — сор. Тот, из которого — стихи).
Окончен труд. Теперь я жду награды.
А через полчаса — *Парад Планет*.
Венера с Марсом с вечера по стойке
равнялись «Смирно!» (а она: «Хи-хи!
Не щекотись! А то уйду с парада!..»)
Но Марс её в заложницы позвал
и — *заложил*: за воротник и галстук,
так что пришёл в волнение и экстаз
повеса, фат и донжуан Меркурий,
который, хоть и не любил овал,
но тут (в экстазе) рвался и метался,
и в этот *таз* слезами пролилась
гроза начала мая.

— Кто дежурный?

Убрать! — раздался страшный голос вдруг, —
парад и *это вót* — не совместимы!
Немедля прекратить! Из ряда — вонь!..
— Кто это, — я спросил, — Юпитер что ли?..
Ответа нет. Безмолвие вокруг.
Подумал: значит, вот, о чём грустили
со школьных лет обжившие амвон —
о Вечности...

И снова всё, как в школе:
глагола первый ощутив ожог,
рифм штук по сорок заносить по будням
в блокнот, и, тужась созидать сонет,
их рассыпать частично по дороге...
Парад, меж тем, уже произошёл.
Махал Сатурн своим цыганским бубном,
пока Юпитер, маршал среди планет,
скакал пред них на белом Козероге.

КРЕСТИКИ-НОЛИКИ (2012)

Как фотонный поток — навесу,
как наждачного искра́ колеса —
по Садовому катаюсь кольцу
и сезонно дожидаясь конца.

Время вышло, и о нём не жалею...
Это — было. А теперь выбирай.
Если *нолик* на конце — юбилей.
Если два их, то водичку сливай.

И пока ещё по жилкам журчит
и головка ещё варит, урча —
если *крестик*, то вообще помолчи
да не ляпни ничего сгоряча.

Ну и что, что я к закату иду!
Я и в эту пору фору вам дам.
Не желаю быть властителем дум.
А желаю быть ласкателем дам.

ЧТО ДЕЛАТЬ? (1984)

Эразм! Агриппа! Франциск Ассизский!

Пожалуйста, научите меня азам.

Что важнее: лептонов летящих писки,
или списки любовные фамилий дам?

Счастье — это что же: звериный оргазм?

Или, может, счастье — вещизм мещанства?

И нельзя ли обоих их спарить разом,

как, к примеру, время с этим... с пространством?

Скажите, первичнее — ТО или — СЁ?

Или – что-то третье?.. Вот *père* Иннокентий Пятый

все выступал: «Ребята! бросьте вы это всё!

Не берите в голову, ей-Богу! Выпьем, ребята!..»

Или всё-таки прав был бедный сэр Исаак,

не застанный с прислугою ни на пленэре, ни дома,

который понимал, что **это** — вредный пустяк,

а счастье выражается через коэффициенты бинома?..

Человек ведь смертен, подвержен заразам,

зарезан может быть — в любое мгновение!

Так чего же делать, достопочтенный маэстро Эразм

Ваше с коллегами какво будет высокоучёное мнение?

ПИШИ ПРОПАЛО (2010)

Продолжим тему, что жизнь — игра.
Подол шить тем, у кого с утра
качнулось в минус плодов число.
Вот, что случилось. Произошло.
«Укрыть фигу-уру! Стыдом умру-у-у!..»
Сердитый гуру сорвал игру.
Ревел, как барин: «Зачем не раб!»
Рай был бездарен. Была б игра б!

.....
Играют дети клавир фоно.
Играет ветер, гудит в окно.
Игра без краю... Весь мир — дурдом.
И я играю, гигант и гном...
Играет солнце с толпой теней.
И грéет сон сей, но вдруг слабей...
Игра без правил, и всё на кón.
Как кто убавил свет из окон!
Доска тускла и дебют забыт.
И куклукскланит — в капоте быт.
Король в цугцванге? — Да он валет!
Спроси у Ванги про старость лет.
Спроси про серость, про белизну...
Цвелось и пелось, а вот слизну-
ла злая бяка, как языком...
Пиши, однако.

— Куда?

— В местком.

— Чего писать-то? Скачать с чего?

Что нет достатка? Что всё черно?..

— Не надо жалоб и куражу.

Пиши пропало.

— Пишу, пишу.

СЛЕДУЮЩАЯ ЖИЗНЬ (2003)

Следующая жизнь — она не такая, как эта.
Ведь я уже буду знать, как надо себя вести.
Как научусь писать — сразу пойду в поэты.
А как половó созрею — освою любовный стиль.
Стану гуманитарием — чтобы поменьше трудиться.
Ну — ремесло для денег, скажем, сантехник-сан.
Семьи заводить не стану: буду свободен, как птица.
Пожалуй, съезжу в Европу и всё повидаю сам.
Заведу себе девочку колли, рыжую и шальную.
Чёрно-белыми вечерами — виртуозных перстов пасьянс...
В виртуальных кругах вращаясь, за окном пропущу весну я.
Супротив фантома вистуя, упущу на бессмертье шанс...
И в этой жизни другой, в неизвестности где-то,
за переходом скорым, когда чёрная хрустнет твердь,
обнаружится новый мир, может быть, не такой, как этот,
и где будет ещё прекрасней и солнечней, чем теперь.

2007

ПОХМЕЛЬНОЕ

Б.П.

улюлю...

с улиц

га

вью-

Пусть

рюриксон де радзивилл пах холестеринами
тостом остр и скор строкой мы не так ли ква-
каем лилипута раздавил куинбус флестри-
новый пересоленный топор перевесил
в вакуум в кои веки разлепив зазудел
предплечьем водки хряпнул под
сурок подсуропил в тютельку
телепал от вин и пив сгла-
зил гуттаперчево пле-
тью обух поперёк по
перхнулся путин-
кой экивоки ян-
варя пьяное
исподнее
снулых
ул-
иц
ул-
яля
улетело
утлое куки-наки
имярек синюю рапсо-
дию псом скулил в кули-
су дня для утробы утренник

Я, как и Пушкин(!), а вернее, я, как
Поэт его стихов, пишу лишь для себя.
не получая, правда, денег
(как правило) с издателей. — Зачем же,
глаза разъев вредом экрана, строчку
за строчкою строчу?

Для славы, что ли только?

Иль для бессмертия? —

Какая чушь!

Бессмертья нет.

Ни ангелов унылых,
ни радостных чертей,
ни страстных гурий (увы!)

и ни Нирваны,
наоборот, бесстрастной,
я не жажду.

Но я не верю в то,
что «Я» не буду.

Я, может быть, клопом, грибом, былинкой,
чудовищем, орлом двуглавым, или
драконом огнедышащим, а может,
в моём же доме алкашом соседом,
иваном, не запомнившим родства,
или каким-то неизвестным чем-то
в иной галактике (когда она реальна),
продолжусь

и, возможно, что не будет
инвариантов: ни души, ни тела,
ни памяти, ни духа, ни пространства —
лишь только «Я». И ощущение мира.

Иначе — это просто всё равно,
как если бы считать, что мир исчезнет...

А может быть, и нет его?.. Не знаю.

УРОКИ МУЗЫКИ

Когда разучусь сочинять стихи
(точнее, так и не научусь),
появятся новые пастухи
у стада моих беспризорных чувств.
Они выразительно щёлкнут бичом,
басовым ключом синтезатор вскрыв,
и я, в невежестве уличён,
сжимая воображаемый гриф,
забросив грифель, курсор, перо,
забыв про телесную суть любви,
пущусь вдоль додекафонных троп
вписаться в звенящий струны извив.
И пусть мои пальцы сведёт артроз,
склероз переварит в дерьмо мозги —
пусть я не дорос до стихов и проз,
во тьме не выдав ни единой зги —
но ноту за нотой зубрю, дикарь,
листа партитуры мусоля клоч.
Изжелта-чёрн ноябрь-декабрь.
Грозным Бетховеном бредит ЛОР.
С севильского что ль свихнувшись ума,
ухо замылил цирюльник злой,
Музыки муза глохнет сама —
замерь, имбецил, децибела звон.
Утлого слуха сух абсолют.
Быт полосат словно клавиш ряд.
Со всхлипами флейт переборы лютнь
флиртуют, да и со всеми подряд...
Но топот стад заглушит дуду —
пастушью, пастырскую: облом!
И я на круги на свои пойду,
скрипя суставами и пером.
Ах, стая чувств, опрокинь блокпост!
Верни первозданную власть перу.

Забей (на всё!) поэтический гвоздь,
точку в пустыне, где я, как труп —
лежу, и наг (то есть просто гол),
хладный в ладонях не мну глагол.

2015

* * *

Когда без видимых причин
(не годы же причина!)
я вижу вдруг, что — всё: конец
надеждам и мечтам,
что я теперь непогрешим
и больше не мужчина,
что я уже напрасно ЗДЕСЬ,
пора мне быть бы ТАМ,
что лыс и глуп я, и — толстяк
среди лихих и тощих,
что никому-то я не мил,
беззубый крокодил —
я вынимаю изо рта
заветный молоточек,
который в урну уронил
безумный Даниил.
Я был расплакаться готов
скупыми м. слезами,
но молоточек прозвенел,
и я повеселел.
Итак, да будет молоток,
производящий заумь —
крушащий воздух и металл,
звнящий децибел!
Да, он сверкает и звенит
и производит заумь,
и стихотворный звон его
мне возвращает тон.
Над вымыслом его простым
не обольюсь слезами,
но жизнь, пойму я, — ничего.
А прочее — потом!

ЯЩЕР

Я окуклился в тугой..... кокон.
Я опутан дорогим..... шёлком.
Я, как кукла, подожду..... срока,
Даже усиками не..... щёлкну.
На спине нажми бутон..... свистну
И глазами хлоп! из ф́ар-..... ф́ора.
Скоро я проснусь удí-..... вíть вас,
А пока у вас ещё..... фора.
Но простонет семь годков..... с гаком.
Потемнеет и рванёт..... небо.
Лопну кожицей, слегка..... крякну
И над Родиной взовьюсь..... в гнев.
Пастью огненной рыгну..... вящей.
Прокукует на часах..... девять...
И взлечу — такой крутой..... ящер!
Стану крылышками «бьяк!»..... делать.

2016

ЛАЙКИ

Я достаю из широких штанин...
В.В.Маяковский

Легка рифмовка, если вдруг *вступило*.
Несёт. Пусть не *каретка*. Но — курсор.
Ведь это слаще... то есть горше — пива.
А слаще — чем с любимой общий сон.

То ты сидел, затурканная бука,
а тут сверкнула лысина что нимб,
и — на экран всеядного Фейсбука
вытаскиваешь *статус*. Из штанин.

Все ставят *лайки*, «Гений, — говорят, — ты!»
А эти *лайки* — ездовые псы.
Я лихо мчу! А за спиной — теракты,
гром трафика, истерика попсы...

Любого обогнал и обогнул бы!
Меня не тронет ни мольба, ни стон.
Я *лайками* взнесён на Джомолунгму,
и тут стою — великий и простой.

ПОТОМУ ЧТО

Был будний день. Слагались в тосты
непреднамеренные фразы.
Крутился шар, земной и толстый,
Начальник издавал указы.
Весна для будущего лета
из почек извлекала листья.
Уключины скрипели где-то
и крендель в булочной таился.
Я гелевой корябал ручкой
листочек бледный и надменно
подумал: это потому, что —
ко мне
 явилось
 вдохновенье!

КТО-ТО ГЛОБУС ВЫКИНУЛ

Дальняя галактика ест парсеки поедом.
Ближний космос щурится в сторону Земли.
Пассажиры катятся на такси и поездом,
выбирают улицы в городской пыли.
Кто-то глобус выкинул яблоком надкушенным.
Так бы и поймали его, если бы смогли —
Западное Выхино, Северное Тушино,
Восточное Измайлово, Южные Фили...

БАРИН КОЛЕСА

Пока ещё вагон чеканит ритм
болтов посредством или, там, форсунок,
пока ещё мне разум говорит
слова и проектирует рисунок
спондеев и пиррихийев, пока
ещё не канул я в свой быт любимый —
о не дрожи, бесстыжая рука,
с небес меня влекущая в глубины
и снова — из глубин на небеса...
Как, в сущности, те и другие схожи!
Вращай же, как пращу, вожатый, вожжи.
Спирали раб, я — барин колеса!

В ПОТЁМКАХ

Холодным дымом из кальянных, типа, тянет.
Вечерних сумерек клубится, серых, ворох.
А в полутьме глаза меняются местами,
и бурно *чатятся* читатели смартфонов.

Мартен метро легко узнаётся по зною.
Канализацию покинет птеродактиль.
Спасибо кембрию, а также мезозою —
никто из них не оказался столь бестактен,
чтоб подземелья населить не червяками,
а — чуваками. И чувихами особо.
И щеголяющими рваными чулками
псевдоособами, обутыми джинсово.

Но нам пора уже приблизиться к природе
и посреди её притопов и прихлопов
вдруг *окропить*, как говорится (в переводе⁹),
«янтарной жидкостью семью гелиотропов».

⁹ «Пускаю ввысь струю, искусно окропив
Янтарной жидкостью семью гелиотропов».

Артюр Рембо «Вечерняя молитва»,
перевод Бенедикта К. Лившица

ФИГУРЫ СНА

Приманивал специальным дыханием и сопеньем.
А он рисовал фигуры на скрытой изнанке век.
И тёмный недобрый город в стихах я воспеть успел ли,
теперь и не вспомнить, ибо погас его полусвет.

Неслышимые шарниры на сто степеней свободы
раскалывали движенье и определяли ход
медлительных незнакомцев невыясненной породы
(кто только им встроил в чипы иррациональный код!)

Удары венозной крови без промаха бьют в затылок.
Воспоминанья кратки и сладок осадок дрём.
Чудная картина мира, где я ещё жив и пылок,
пропав, прожелтила штору скупым ночным фонарём.

2017

В ЭТОЙ СТРАНЕ

*Я утешусь щедротами быта,
рисованьем по свёкле и льду.
Подкую бутербродом копыто,
безлимитное время введу.*

2008

В этой стране фигуративных стихов,
где бутерброды копыт не знают подков,
где я осеней осеняю пламенный кров,
силлабической ахинеей и — не таков,
где фигуры, теряют смысл, обретая звук
и то ли фигурно рыдают, то ли кого зовут,
в этой стране, в этой строгой порядке бед
(которого — нет),
рваная ритмика жизни гудит заводским
гудком,
навевая партком, завком,
ржавея замком
навесным —
нам ведь с ним
ещё долго вить нить дорогого сюжета
в этой,
подбитой *ватой*
веков,
отдельно взятой,
стране фигуративных стихов.

В ТРАМВАЕ

В электротрепетах трамвая,
его трезвон перекрывая,
гремит копейка трудовая,
жужжит, как в ухе — в кошельке,
тогда как президент, кивая
коллеге, лидеру Китая,
летит от края и до края
в небесной тачке налегке.

На кухне вьётся рой дрозóфил.
клубится пар: кипит картофель.
В чём соль — в сметане ли, в укропе ль —
не скажет и мудрец иной.
А я, чей час уже не пробил,
упрятал фас в угрюмый профиль,
из пары Фауст — Мефистофель
не выбрав роли ни одной.

ГДЕ БЫ НИ БЫЛ Я

Свет ли вылупится из рыка,
или, молниями влеком,
гомерический горемыка,
перочинным сверкав клинком —
гром, взыскующий и искомый,
разверзая, как бездну, миг.
завершит, но не кодой — комой
звукописную силу книг.
Резкий звук на цепи столетий.
Песни-пляски, но — распалась,
сунет пальчики лишний третий
в панталон пистолетный паз.
Тихо кликнет, как без подвоху,
заурядней, чем турникет,
краткий миг претворив в эпоху —
от Гомера до наших лет.
Да какие там наши годы!
Миг — полвека. Два мига — век...
Ну, старлей, нацепляй погоны,
кого надо — свистай наверх.
Да взыграй — стопроцентным, клёвым,
неуёмным врагом былья
и железом пожги калёным
все края, где бы ни был я.

МИР БЫЛ ПРЕКРАСЕН

Мир рвался в опытах Кюри

Андрей Белый

Мир был прекрасен, в меру пёстр,
он был театр, а мы — актёры.
То увертюровал оркестр,
то под сурдинку, как котёнок,
мяукал что-то о любви,
то барабанил под знамёна
о Родине, то удивлённо
и фортепьянно звуки лил
в том смысле, что — тихи озёра,
что звонки птахи и ручьи,
что листьев лапчатые узоры,
а звери дики и ничьи.
И ветер дул. Сверкали звёзды.
И Солнца яростный кумир
служил юпитером негрозным,
и был прекрасен (в меру) мир.
А мы зубрили роли честно —
у каждого была своя...

Но гнулся гвоздь с начала пьесы
под весом бомбы с буквой А.

МОСКВОСТРОЙ

Разбойных вёсен свесив завязь
разнузданно и несуразно,
дремучий бор стоял у яуз,
и лоси по болотам вязли.
Пилы не знали ели. Еле
колыша листьями, берёзы
как будто тенью скрыть хотели
непрошенные сосен слёзы.
Но бездорожью и безлюдью
уже готовилась расправа,
и шли неправедные судьи
и гроыхали топорами.
Везли товар варяги в греки.
Кругом ворюги шуровали.
Над лесом громоздилась крепость,
и башни по углам вставали.
А на семи холмах окрестных
с утра в церквах звенели звоны,
орал Арбат, пестрела Пресня,
и песни слышались, и стоны.
И кирпичи не без причины
в руках умельцев сделав сальто,
легли туда, где под машины
ковром расстелятся асфальты.
Но зодчим, возводившим стену,
осталась тайна нераскрытой,
Что кольца метрополитена
Освящены митрополитом.
И что колючее и злее
татарника-чертополоха
просвищут мимо мавзолея
ракеты в новую эпоху.
А где овраги, как отрада,
дают приют грибам-опятам,
железом грянет баррикада,

и замахнётся брат на брата.
Но это — после. А покуда —
Шёл Москвостроя пёстрый праздник.
И город выростал, как чудо —
древесный, северный, прекрасный!..

УТИ-ПУТИ-МУТИ

Вы говорите: «Родина в осаде.
Напрячь все силы избавленья ради!
Вперёд к победе поведёт нас Путин!»
А я скажу вам: «Ути-пути-мути!»

Вы говорите: «Хуже год от года!
Когда же, наконец, придёт Свобода?
Народ бесправен и забит по сути...»
А я скажу вам: «Ути-пути-мути!»

Вы говорите: «Надо быть активным.
Нет равнодушным места в свете дивном!
Людей любите! Бога не забудьте!»
А я скажу вам: «Ути-пути-мути!»

Вы говорите: «Вы неандрталец.
В грязи погрязли! Пальцем бы о палец —
и жили в чистоте бы и уюте!»
А я скажу вам: Ути-пути-мути!

Вы говорите: «Деньги это сила,
А вы бедны, нужда вас подкосила.
Трудитесь, получайте куш в валюте».
А я скажу вам «Ути-пути-мути!»

Вы говорите: «Вас же одолели
болезни: тухлый дух в ущербном теле!
Лечитесь же, не дожидаясь жути!»
А я скажу вам «Ути-пути-мути!»

В ЧЕБУРЕЧНОЙ «ДРУЖБА»

Еврей писать обязан про евреев.
Детерминанты¹⁰ славь, алгебраист.
Любовник, поутру щетину брея,
лобзанья наноси на чистый лист.

Огнём, пожарный, опали страницы.
Рифмуй, поэт, витиствуй славы для.
По сини неба — если ты синица —
выписывай круги и кренделя.

Ведь *едэм дас*, как говорится, *зайне*¹¹.
Искусство что! А жизнь-то *бревис эст*¹².
Которой каждый сам себе дизайнер,
а также композитор и кузнец.

Чадят прилежно пироги для пира
духовного — на совесть, не за страх.
И мне сюжет стишка диктует пиво,
что в чебуречной «Дружба» в Сухарях¹³.

¹⁰ *Детерминант (алг.) — скалярная величина, которая может быть вычислена и поставлена в однозначное соответствие любой квадратной матрице. Определитель матрицы A обозначается как $\det(A)$, или $|A|$.*

¹¹ *Jedem das seine (нем.) — Каждому своё.*

¹² *Ars longa, vita brevis est (лат.) — Искусство вечно жизнь коротка.*

¹³ *т.е. в Москве на Сухаревке.*

LEGO ЖИЗНИ

Кричим: пошёл! ----- ----!

А.С. Пушкин «Телега жизни»

Моё лирическое эго
из-под чернеющего снега
как черепушка печенег,
белеет в жухлых ковылях.
Грохочет Пушкина телега.
Возница материт Олега
(который вещей). Как из LEGO,
из слов стишок растёт, коряв.
А рядом тьма иного мира,
не знающего слова «лира».
Там душу бытом завалило.
Там кот не ходит, паразит,
вдоль по цепи. Там правит сила,
и на помойке киснут сиротливо
духовного объедки пира,
а враг невидимый грозит —
то повышением квартплаты,
то понижением зарплаты,
«духовных» скреп грозит возвратом
без исключения в каждый дом!..
Там тишь утопла в море мата,
и склока дракою чревата.
Там брат войной идёт на брата
и пахнет в воздухе г----м.
Так восстановим же, коллега,
своё лирическое эго.
С него стряхнём остатки снега
и, очертя, рванём на рать.
В словесное сыграем LEGO
путём возвышенного сленга,
Чтоб снова понеслась телега
по облакам, ----- ----!

НЕ УМ, А ЗВУК

ТИШЕ РАЗУМ: МУЗА РЕШИТ

Д.Е. Авалиани

*Никто не знает, тугоух
и тайн моих не раскусив,
что, когда я ваяю стих,
не ум ведёт меня, а звук.*

Из первоначального варианта

— Что же вы на свет не вышли,
строчки? — скучно в рукаве!

— Дело в том, что нету мыслей,
нету мыслей в голове.

И не надо, и не надо!
Мысли пошлы и скучны.
Звуки — вот одна отрада,
антиподы тишины.

Надо, чтобы среди ночи,
вечерком и поутру
звуки чавкали калоша-
ми округлыми во рту.

Чтоб свистком они свистали,
чтоб гремели, как кирпич,
кувыркающий по стали,
скажем, крыши, грома спич.

Чтобы гукали и пели,
лепетали и лились,
сладкогласные, как феи
по дороге в парадиз.

ПАССИОНАРНОСТЬ ПАССИВА

Сохнущих скрип дубов и разбой побегов
глушат невинно живое твоё лицо.

И не пытайся вырвать у них победу.

Пей не шампань, а терпения тёплый сок.

Делай, что́ должен: малую смальту звука
взвякни в зиянье мозаики — звонче чтоб —
меж междометий, глаголов и тусклых стуков:
стоп несказуемых — кротких предлогов об.

Орнаментально, почти что комбинаторно
проб перебор переборет парад бугров¹⁴,
не пререкаясь с придворным трезвоном горна
и не братаясь с когортой его врагов.

Спектром магическим в небезызвестной призме
синтаксис смело криви и коверкай слог,
каменнолико на празднике и на тризне
равно нейтральный, пассивный, что твой залог.

И, постигая пассионарность пассива,
пóступи пестуя шалый летящий шаг,
ты не истлеешь слепую строкой курсива,
а воспаришь — как светящийся яркий шар.

¹⁴ бугор — начальник; элемент «элиты»; «известняк».

И СКЛАДНО, И НЕСКУЧНО

Сиди, обыденность, в потёмках,
не тормози мою работу!
Я не люблю писать о ЧЁМ-ТО.
Меня не вдохновляет ЧТО-ТО.

А я люблю писать про нечто.
Про взгляд и нечто. Но такое,
чтобы звенело, как колечко
о подстаканник, золотое.

И чтобы тонкие глаголы
витали, цацкались и пели,
и звуков лёгкие уколы
ознобом отзывались в теле.

Летя стремглав, как света кванты,
чтоб в цель они ложились кучно...

— Так Вы творите как новатор?
— Ну, да: и складно, и нескучно.

ФЕРМАТА

Прикладные стишки, как винтовки с прицелом и мушкой.
Если цель не добьют — рукопашным прикладом крушат.
Прикладные — не чистые. И — не стихи. Потому что —
в них полощется быт и воняет помоев ушат.

Тут с ботинками споро рифмуются полуботинки,
губит розу мороз и кровава бедняжка любовь.
И душа стихотворца садится, как лифчик от стирки,
славословий и лайков освоив рекордный улов.

Не желая их славы, я жажду иного удела.
Сторонюсь от курков, от штыков и, простите, цевья.
Вечность в сторону смотрит, старушка — обычное дело.
Ну и что! Ведь не в ней, а в полёте весь кайф бытия!

На ходу, на бегу, пусть безумно, безудержно, бурно.
Цель — движение. Вне — направлений, колёс, скоростей,
через трафика гул, ни на цыпочки, ни на котурны
не вставать! Остановка летальной постельных смертей.

Финиш. Сам пред собою кичась совершенством формата,
звук и букву солью в монитора слепящем окне.
Суммой пауз бессрочных фигура молчанья — фермата —
увенчает надгробие нерукотворное мне.

В СЕДЬМОМ ИЗМЕРЕНИИ

У вас пошло? А у меня пошло!

1999

Метался: не шло. Из стекла ухмылялся двойник.
И шло, да не то. Не туда. Не сумел. Не проник.

И шло, но — само: не везло, не несло, не цвело.
И пахло. Но — вонью. В окне проплыло НЛО.

Сокóл пролетел. Прохудился и прежде худой
отстойник на кухне, набитый рябой ерундой.

Отчаянный чайник нечаянно фукнул в свисток,
и тут — началось! Выдвигаясь из пыльных кустов
оскаленной клавиой, скрипел чёрно-белый рояль,
кряхтел септаккордом и шумно педали ронял.

И бурный, как Терек (он буен, я слышал!), был рад
разнузданный телек всучить нам нескромностей ряд
и их смаковать. Сладковатый вскипел фито-чай
и, не повернув головы маяковский кочан,

бубухнула гиря, брандмауэр грубо круша
(как в фильме Феллини), не строя взамен ни шиша.

Ну вот, наконец! Что-то дрыгнуло задней ногой
в седьмом измерении так, что немного другой

предстала компания знаков, на клетчатый лист
набросанных; и изменив выражение лиц,

друг другу уже двойники улыбнулись в стекло,
и мумрик¹⁵ на Фобос нацелил своё НЛО.

¹⁵ мумрики — самоназвание жителей Фобоса.

* * *

Раз сказал я Гале, рея
по воздúсям, небожитель:
— Небо, это ж галерея.
Облака сваял Пракситель.
Тут заоблачные дали
всё равно что мрамор бюста...
— Их гигантских гениталий, —
Галя мне в ответ, — боюсь я!
— Ах, бояться их не надо:
не тверды они, а мя́жки.
Их воздушную бригаду
бесят грубые повадки.
Как они под солнцем рдеют
в своей нежной ипостаси!..
— Да, а ну как затвердеют
и накинутся в экстазе!..
— Никакого нет сигналу,
чтоб они так озверели...
И, с небес спустившись, Галю
я подталкивал к постели.

О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ

Я Лукрецием каркну, я Овидием визгну,
Предпочту я попкорну непокорную карму.
В лопухах у забора я сыскал бы харизму,
Но харизмы капризны и, бывает, коварны...

Я взовьюсь Ювеналом над порочной планетой,
я проникну, как в поры, в потаённые щели,
где, пока верещали самозванцы-валеты,
короли крыли дам, так что дамы пищали.

Я увижу дотолё невнятное глазу,
очарован природой, а в природе — вещами.
Что ли зря я в салоне «Вдохновение Плаза»
заправляюсь в столовке расстегаем и щами!

Ну, а вещи вещают — такова их природа.
вроде «Эха района» или «Радионяни».
Я подслушал их стуки — это фуги да оды —
но дудеть их не буду, дабы мне не пеняли.

2019

* * *

Тихо сеть плетёт паук.
Слон топочет, возмущён.
Выговаривая звук,
можно думать ни о чём.
Можно ласточкой лететь —
делать крылышком вжик-вжик...
Со Вселенной тет-а-тет
можно тихо-тихо жить.
Но когда, как говорится,
грубо вдруг грохочет гром,
очень хочется укрыться
за каким-нибудь бугром.

* * *

Стою на том, что стою что-то всё же.
И даже в зрелом чине старика.
Ещё моя строка на стих похожа,
когда каприз мой требует стиха.
В лесу, во сне, в автобусе, за чаем,
когда рыдаю и когда смешно,
я музой Рифмы, в общем, поощряем,
мне «кровь-любовь» — два раза плюнуть.

Но —

ума, таланта всё же подзанять бы,
чем за словами лезть в карман пустой!..
А остальное — заживёт до свадьбы
последней и, как осень, золотой.
Уже мои часы почти пробили,
секунды в нетерпенье теребя,
а я стою на том же, что и лирик
какой-нибудь, мороча сам себя...

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ГЕРЦИКА

Нет, весь я не уймусь! — В. Г.

Я тоскую без Герцика...
Всюду постные лики.
Без Володи — без перца как
или как без аджики.

Он усердствовал яростно
по несбыточным целям,
от галёрки до ярусов,
максимален и целен.

Бил то хокку, то «блямсами»,
точно в бубен меж буден,
островзглядно-неглянцевый,
неуёмен и труден.

И всегда — а иначе как! —
читать и помнить я буду
бородатого мальчика,
просветлённого Буддой.

НЕ ДО СЕМАНТИКИ

глаз черенок скважина щёлка точка
что положил на что почему не то что
правила побоку цели намёки повод
ало-зелёная рыжь криво-кóсо-хово
дрожь рубежа пережарен угаром мая
текст неясней тостóв гаснет свет мигая
лета легла деталь солнышко откоптело
четырёхмерный след оставляет тело
равнобурлящее с бурным экстазом зомба
неснаряжённую жизнезарядом бомбу
носит и не роняет пустое небо
не до семантики и пунктуаций не до

НЕАСТРАЛЬНОЕ

Полнея телом неастральным
и тщась — до неба и до дна,
я удручающе нормален,
хоть странностишка бы одна!
Страстишка хоть бы! Ни занозы
в несуществующей душе...
(Читатель жрёт уж рифму розы —
как помидорину в борще...)
Да нет, я не о том. Ломброзо,
певец петлистости ушей,
сказал однажды, правда, прозой,
что гений это псих, ваще.
Тут можно усмотреть угрозу,
но нам Ломброзо не указ.
А ну-ка примем старта позу¹⁶
и — неастрально — в небо — раз!

¹⁶ *Вариант: спирта дозу.*

ВПРИСЯДКУ

Как подсолнечный знак¹⁷ залузган,
издавая то рык, то стон,
я вприсядку скачу за плугом,
как советовал граф Толстой.

Не кузнечик, но саранча я,
кукарача и таракан.
Лично Пушкин меня не чаял
ли в лебядкин словить стакан?

Я не дамся поэту-внуку
Ганнибаловых злых кровей,
а явлюсь сновиденьем-в-руку,
пререкаемый корифей.

В этом сне, может быть, *четвёртом*,
Золочёного века сне,
я примщусь суеверному чёртом,
чтоб отстал и не мнился мне.

Но наскучив скакать присядкой,
я пойму: эта скука — знак,
и Ахилловой дрыгну пяткой,
наколовшись на дохлый знак.

¹⁷ Автору известно, что подсолнечник не является злаковой культурой.

2020

ПРО ЛЮБОВИ

*И неприятности любви
в лесу приятны и милы.
Её кусали муравьи,
меня кусали комары.*

Н. Глазков¹⁸

Я был смолоду любитель дам и женщин.
А теперь вот вспоминаю, старикан,
как текла моя — от ласк и до затрещин —
жизнь весёлая, как пивечко в стакан.

Попадались хулиганки-интриганки
и такие, что пищали трепеща.
Целовал я Нату Ганке на Таганке
и любил я Нату Щак не натоцк!..

Мы с Полиной плыли в пене тополиной.
Было так в лесу легко мне с Сулико!..
Нас с Кариной комаринно-муравьино
искусали, как предсказывал Глазков!

То ли с Таней, то ли с Тоней — с тихим стоном
кайф любовный я лелеял, уловив
глаз зелёный у Алёны, у гулёны
и колени, словно миф про Суламифь...

Как любила меня Света, но без света!..
Ах, как пела Зарема мне задарма!..
Я не спрашивал ни соли, ни совета
и сходил неукоснительно с ума...

¹⁸ Этот текст я нашёл в интернете. Но я всегда знал другой вариант, не помню, откуда. Мне он нравится больше:

*Все неизвестности любви
нам неизвестны до поры.
Её кусали муравьи,
меня кусали комары.*

* * *

Серебристое сердце метелит весна.
Вороти нарратива простую струю.
Улетела в Австралию ласточка сна
к голубым антиподам в их стройном раю.

Позабыть северá ради родины фей,
и уснуть, и проснуться при тонких свечах,
чтобы вдруг увидеть, точно тот корифей,
знаменитых жирафов у озера Чад¹⁹.

И звеня, цепенеть, как иные умы,
и понять, наконец, хоть и поздно весьма,
что февральской метелью бесснежной зимы
серебристое сердце метелит весна.

¹⁹ Автору известно, что озеро Чад находится не в Австралии.

ПЕСНЬ ПЕНСОВ

Мы пенсы, мы пенсы, не шиллинги мы,
не тугрики-доллары-евро.

И мы не боимся сумы и тюрьмы,
поскольку храбры́ мы безмерно.

Нам дали копейку — мы рады и ей.

Отняли — и это нам счастье.

Мы уединимся на несколько дней,
а может — до смертного часа.

Покладистость наша не знает границ.

Не надо ни секса, ни сенса.

И мы беспрепятственно катимся вниз.

Мы пенсы. Мы Пенсы. Мы ПЕНСЫ.

СИГНАЛ

Изучаю словарь..... букв.
Постигаю букварь..... слов.
В океан НЛО —..... плюх!
По Евразии прёт..... слон.
В продуктивном цветёт..... лук.
От отца и совет..... свят.
Среди ночи поэт..... Блок
у аптеки зажёг..... свет.
Злая истина жжот..... мозг.
Вор обрёл в портмоне..... цент.
Жаба — с возу, но сам..... воз
ныне там — не сменив..... цен.
По клеёнке бредёт..... мух.
На тарелке лежит..... суп.
Напрягаю тугой..... слух.
Различаю сигнал:..... СТОП.

* * *

светиться сиять упрекать в недосвете солнце
смеяться лететь извлекать из мычанья звон
явиться незванным и от никого посланцем
и убедиться и всех убедить что зван
и всемогущий словить и не славить случай
а тленное тело вселить в бестелесный дух
существованье на то бытия и слаще
что оно позволяет продлить предпоследний вздох

* * *

неумение этого лета держать тепло
комариные гимны слило в контрапункт словес
чтобы слова стекло со стеклянных стилес стекло
в нарративы ковида в отчаяние небес
из которых льёт как зеркальных осколков свет
при неверном и меркантильном их дележе
превращающий низкий ветер в высокий ветер
неуёмную вечность сложить вопреки слезе
и пока румяной зарёй не горит восток
отказаться прочь от настырных его услуг
и в ладони взяв малиновый лепесток
даже в этой муре обнаружить и смысл и звук

* * *

Точно враги, холода наступали
и наступили — на пузо июлю.
Дождь шевелит сырыми щупами,
кальмара в сковороде карауля.
Месяц глаза закатил как монету
в щель на полу, и хрипит дыханье.
Верно, недаром в небо комету
выслали злые инопланетяне.
Да и кругом, помимо погоды,
холод сковал и слова, и виды
(на светлое завтра) — на долгие годы,
не говоря уже про ковиды.

ФЕЙКИ

По радио всё говорят: фейки, фейки,
тогда как, совея, лежу на софе я
и думаю, крутя на запястьях феньки:
ведь фейки это же маленькие феи!

Что же это радио их так не любит?
Закон, говорит, против них готовят...
Добрая же фея всех приголубит,
это только злая вредит да гнобит.

Если эту феечку, то есть фейку,
угощать эклерами, звать на танцы,
разве превратится она в злодейку!
Разве кого цапнет когтистым пальцем!

Никогда! Но если бедняжке фейке
кулаком грозить и ругаться матом —
подрастёт, и зенки сверкнут на фейсе,
станет стан девичий кривым, горбатым.

И лихая ведьма заржёт кобылой,
наколдует сепсис и диарею,
личико заменит свинячим рылом,
суженого — пьяницей и евреем²⁰.

Так что с молока не снимайте пенки,
дайте им созреть, так они вкуснее.
Пусть растут и множатся наши фейки
счастья, может, в будущем корифеи!

²⁰ (вариант строфы для Миши Л. Чтоб не обижать его как еврея):

*И лихая ведьма заржёт кобылой,
заразит ковидом и геморроем
личико заменит свинячим рылом,
жениха — вообще алкашом и гоем.*

ДЕТИ

Дети эмбарго	Дети вестимо	Дети либидо	Дети бастардо
Дети люмбаго	Дети вертиго	Дети ковида	Дети мустанго
Дети живаго	Дети индиго	Дети болида	Дети пенальти
Дети зигзаго	Дети амиго	Дети для вида	Дети отстаньте

ДЛЯ СЕБЯ И НЕ ТОЛЬКО

Кто в конкурсах, кто в лонглистах, а кто и в шортах...
Я, поздравления устав строчить, почёркав,

ловлю *привычным ухом свист* — не божье эхо,
третьестепенный экзерсист и неумеха...

Учись, учись, как завещал один мудрила.
В премногом знании печаль, но в нём и сила.

Да я ли не зубрил азы и даже буки!
Лететь в верхи, а с них в низы, варганить штуки...

Гормоны алгеброй смирял, нырял в источник
(кастальский), жрец среди мирян, *горлан* истошный.

Но не достиг и не проник в глубин высоты,
сорняк, помойный воловик²¹, по счёту сотый.

Да, мне не светит славы грош, почёта долька.
Но для себя-то я хорош! Да и не только.

²¹ *Воловик лекарственный (Anchusa officinalis) — сорняк, применяемый, однако, в лечебных целях.*

* * *

Я только не уверен: я ли я?
2005

Надо так, чтоб фигуркой был я, и я же не-я.
Мета-мета-морфозно предстал бы то тем, то этим.
И, глядишь, повернулась бы боком судьба моя
на крутых каблуках и «в ином бы предстала свете»,
как говорится. И сразу бы: я — Поэт!
Светодиодной лампой светил бы в подвал сознания.
Выходил бы Сатурном на каждый парад планет,
подпоясанный кольцами, очень загадочно странный.
На фуршетах коктейли б тянул, презрев диабет.
Бесполезную маску в коронку швырнул ковиду б.
И вознёсся б над всеми... Да нет. Чур-чур меня! Нет!
Хоть и знаю, что я — не я, но подать не желаю виду.

ПЕРЕДОВЕРЯЮ

Перстов пинцетам беру ль, ки-
нетическою силой духа ль
рифм невесомые бирюльки,
разграфоманившийся ухарь,

или в ночную заваруху
вникаю кукишами взора,
подобно лёгких мыслей пуху
играя пуговками вздора —

в любом из этих выкрутасов
я, сам себя образумляя,
не захожусь в пылу экстазов,
а вам их передоверяю.

ЦОК, ЦОК

И вдруг дошло: меня вела ж — блажь.
Кто я такой! Таких велик клан.
И не лежит, куда ложил, глаз.
А я ведь клал его туда, клал!

Нет *зако́нья*, и в узор штор
вплелась, утратив алый тон, нить.
И либо доля такова, что —
шестое чувство отлегло нить,

или напавший, точно вор, мор,
предпринимает ряд крутых мер:
то гад ковид чуть не исторг в морг,
а то — дубиной, как ОМОН, смел...

Пока годов и суток стёк ток,
залив нули бальзамом вин-пив,
я и подавно подавил вздох,
стеклу — оскала предъявив кривь.

Во всяком случае, настал срок
давно законченное сбыть с рук.
А вот и будущее — цок, цок.
И самой сапой тихой: тук, тук.

* * *

Я не увижу знаменитой башни,
а также знаменитой пирамиды.
Мне по стене известной не промчатся
на байке, запряжённом человеком.
Мне на «Дубае»²²на двуспальном грезить
о сочетаньях гласных и согласных
и сочетать игрушечные мысли
с пером неувядаемым курсора.
Глядеть в окно на хлопья белой смерти
в мечтаньях о жасминовом июне
и не любить чужую несвободу.
Когда бы кто мои увидел игры...

²² *Марка дивана.*

ЩЕПЕТИЛЬНЫЙ И УДАЛОЙ

Щепетильный и добрый бесталанен и беден.

Беспощаден и точен удалой и герой.

Но они идентичны коммунальным соседям,
оправляться бредущим в туалетный покой.

Беспардонный удачник — повсеместный холерик.

Щепетильному — принцип, хоть и бред, но и бренд.

Ах, ему не добраться до заветных коленок:
их героически присвоил удалой оппонент...

Но упругое время вдруг окажется дряблым,
цвет лица розоватый обратит в желтизну.

Щепетильный и вялый превратится в кадавра.

Героический гопник пристрастится к вину...

Удалой ухмыльнётся, промолчит щепетильный.

у того и другого — кровь полна антител.

Даты жизни обоих завершаются тильдой,
примечательно сблизив их неравный удел.

* * *

Буду мастеровито
с изысканной рифмовкой
сочинять стихотворение
о том, как не умею писать стихи,
и что у меня тривиальные рифмы,
и как смею я называться поэтом,
чирикаая сереньким воробушком.
И найдётся у этого стихотворения
один или два читателя,
и они посмеются над автором,
ничтожным претенциозным графоманом.
И будут совершенно правы.

КОЛОКОЛЬЧИК

Под дамокловым ботинком
жил старик немолодой
У него на шее тикал
колокольчик заводной.

Как-то старец утром поздним
кувыркался босиком,
с виду сумрачный и грозный,
если кто с ним не знаком.

Но под внешностью суровой
он таил несметный ум
и башкою двухголовой
думал много разных дум.

Например, о том, что летом,
серым сумрачным деньком,
хорошо бы лечь валетом,
кувыркаясь босиком.

Или: как бы занавесить
клёна дырчатым листом
злую импортную плесень,
ароматную притом.

Но проходя девчонка,
неземное существо,
очень грубо и нетонко
не заметила его!

Был старик в недоуменье,
даже слов не находил.
В это самое мгновенье
колокольчик вякнул «динь».

Всё смешалось, как у этих,
у Облонских, на дому.
«Фи!» — старик ему ответил
и в глухую канул тьму.

РОЮ ЯМКУ

Не поэт, маргинальный писака лишь,
мадригалы строчить не учён,
я хочу, как Семён Исаакович,
называться стиха циркачом.

и, как евнух, забыв об эротике,
тáк налаживать строчки в полёт,
чтобы даже бомжи или гопники
аж присвистнули: во, блин, даёт!

Чтоб стекались в карманы мне денежки
(мне не надо их: деньги — фигня!)
Чтоб приличные дамы и девушки
трепеща вожддели меня.

А кухарки, забросив ветрила и
сдав скрипучий руля поворот,
бормотанья мои дырбулщылые
полоскали б до гланд и до рвот.

Но характера мягкого будучи,
ухожу со страниц и с арен.
Не для будущего прячу дудочки,
рою ямку, шепчу в неё хрень,

а затем, чтоб под листьев опрелостью
от весенних теплынъ без пальто,
всё истлело, созрело, развеялось
и, как я, обратилась в ничто.

В МИРУ ЛЮДЕЙ

Я — про солнышко, про синь,
а в миру людей
крупный бизнес попросил
триллион рублей.

Не подавится ли он
ими, не пойму.
Дайте, дайте триллион
поскорей ему!

Дорогуша президент,
что стоишь, пунцов!
Жалко что ли этот цент
дать в конце концов!

Крупный бизнес ведь силён:
пушки, нефть и газ.
Это ж не секстиллион,
да и рупь не бакс!

Может, мелочь не нашлась?
Погоди, я сам,
пару миллионов щас
пенсионных дам.

Ну, пока, я пошагал.
Ярче, солнце, грей!..
Нет, не зря я побывал
там, в миру людей!

ДООС и СООД

Я не ДООС: я не дорос.
Скорей, СООД: начав со од,
Слов **О**бработчик, **О**хов **Д**руг,
заняв заботами досуг,
старик — артроз, наркоз, склероз —
и что́ до ваших мне стрекоз!
Я — повторяю, не вопрос —
СООД. СООД, а не ДООС!

ПЕРЕМЕНА ПОЛУШАРИЙ

На кухне пахнет жареным: чадят омлет и щи.
А я рифмую наскоро, сучу сюжета нить.
Но тем ли полушарием кропаю я стишки?
А может, вызвать мастера и что-то заменить?

Придёт сутулый дедушка, с бечёвочкой пенсне,
кряхтя, из сумки вытащит кусачки и ланцет
и скажет: ну-те-с, батенька, доверьтесь только мне,
я шарики из роликов достану. Или нет.

Он вытащит фандотеры и битые реджистеры,
воткнёт гетерофигию, зачистит звукосос
и пальцами помытыми — что́ значит профи истинный! —
в серёдку еле видную стальную всунет ось.

И вот я, весь исправленный, за письменный сажусь.
Из головы я выкинул фуфло и ерунду.
Курсор лелею новенький — сверкает, просто жуть! —
и оба полушария, готовятся к труду.

Литературному.

* * *

Утро конца апреля. Трафика рык
кажется громом, да вот он и сам, гром.
С неба, плюясь, извивается, как арык,
утренний жгут воды, куафёр крон.

Плавает время, клубя облаков пар
часом ли пик, или, может, не в ту масть.
Грудю плохих новостей принесёт в дар,
и захохочет, разинув, как враг, пасть.

Новых ли санкций наложит на нас вождь,
в космос ушлёт ли бюджета гнилой рупь —
всё будет грызть нас, точно чумной вошь,
Родину преображая в живой труп...

Стоп! Налицо экстремизм, хоть пока тих.
Уж не за баксы ль Пегаса так резв скок?..
Вот, куда может того завести стих,
кто не следил за *направленностью* строк!

СИЛА БОТАНИКИ В СИЛЛАБОТОНИКЕ

Травы поют под ветром,
наверное, на равнине.
Тонкие стонут стебли,
тенькают и лепечут.
Первый и, скажем, третий
имитируют пианино.
Чётные — трелями терций
сопровождают вечер.

Томные одуванчики
вздуты полёта ради.
Это же барабанщики,
мальчики на параде.
Дуют, дудя вполсилы
в острые хоботки
хищные заправины
злые борщевики.

Гул, насекомый выпорх
бабочек в кимоно,
стрёкот, как скрипы скрипок,
сопровождает... Но —
скоро замрут аккорды
запахов и стрекоз.
Звук снизойдёт до коды:
вон, уже видно коз.

Дружно бредут коровы,
жадно жуют, пасясь,
правы, сыты, здоровы.
Месят копыта грязь...
Скушаны музыканты.
Вот и окончен фест
музыки стиля кантри
злачных равнинных мест.

Я НЕ

Я не участник литпроцесса,
и про меня не пишет пресса.

Не член (пардон) электората:
моя краю на самом хата.

Ни конформизма, ни крамолы.
Я также не фанат футбола.

Не восклицаю тоже «Боже!»
И не сторонник даже ЗОЖа.

Я обыватель, не воитель.
Уединённый дачный житель.

ЛЕС БУКВ

Июнь. СНТ. Упоительный воздух.
В лесу ни берёз, ни дубов и ни буков.
Ни милых рябин, ни осинок стержовных.
Одни кружевные конструкции *букав*.

Тут И и И краткое, кровные братья,
сестричкам Е-Ё раскрывают объятья,
звуча в полугласной мажористой гамме.
А Ер, размягчённый сырыми строка́ми
и Ерь, затвердев за сухими стихами,
стоят, ни гугу, перед странною Ятью,
в упор не добитою большевиками
и еле ожившую после изъятья.

Шипящих, жужжащих губные с зубными
поцокали в чаще — звучанья во имя.
А вон и Фита, но видна непонятно
сквозь заросли Ижицы розгоподобной.

И видя в очки запятые цветочки,
я к ним протяну шаловливые ручки
и, как говорится, ни часу без случки...
Ой, нет, извиняюсь, ни году без строчки!

Июнь происходит светло и шумливо.
И время проходит, казалось бы, мимо,
Но я-то при деле, и пишет контора.
И это не лес, а экран монитора!

ПЕРИОДЫ

Меловой период древности.

Игровой период детскости.

Половой период юности.

Деловой период зрелости.

Болевой период старости.

Нулевой период вечности.

НИ ВНУТРИВЕННО, НИ ПОДКОЖНО

Я не Пушкин: растить коготь на мизинце
и не Лермонтов: на время невозможно.
Никакую из предложенных позиций
не приму ни внутривенно, ни подкожно.

И под каждой уважительной изнанкой
не поставлю я ни подписи, ни тени
и в невидимой, но прочной несознанке
откажусь от ваших умных предпочтений.

В одиночестве, не ведая ни зги в нём,
буду с пафосом компьютерным и дачным
буквы спаривать со звуками интимно
в соответствии взаимно-однозначном.

ВОТ ТАК ТАК!

Качались венчики цветков. Тепло и сухо.
Пар авангарда облаков — чета ли пуху!
Достала музыка стихов: читали в ухо.
И на пиру у пауков визжала муха.

Где лаял шпиц из-за границ на нашу скрепку,
пришёл дед Лайн: ни вир, ни майн, а тянет репку.
И даже сам коллега-сан к цейтноту крепко
задумался и оперся на табуретку.

Ходили парни весь июнь без аусвайса.
И то сказать, куда ни плюнь — одни китайцы.
Мы, говорят, подвалим к вам, не сомневайся!
И побредём своим путём, но в ритме вальса.

И я подумал: Вот так так! И в самом деле!..
Несётся время, как в мечтах!.. Летят недели...
Башка в кустах, и дело швах. Стишки истлели.
Завяли шишки на цветках. А муху — съели.

УТРО

Проснулся поздно. Радио включил.
Послушал про суды и задержанья.
Про обыски и про короновирус.
Посомневался, надо прививаться,
или не надо. Так и не решил.
Умылся. Кашу подогрел и, масло,
в неё, а также творог, положив,
употребил. Потом напился чаю
и снова лёг. А что, имею право
понижегонеделать час-другой.
В конце концов, мне столько много лет,
что большинство вообще не доживают.

НЕ В ПОЛНЫЙ ГОЛОС

Жил, не стоя, сидел на лавочке.
Что-то стоил — не шибко дорого.
И не то чтобы припеваючи,
но бездумно, легко и долго.

Неустанно пел-говорил стишки.
Чтó хотелось, хоть и кололось.
Хохотал, но не гомерически
и рыдал, но не в полный голос.

Не орал коням: «Эй, залётные!»
Не глядел на огонь и в щёлку.
Потому что берёг свои лёгкие.
И тяжёлые. И печёнку.

Вместо пепла в сосуде с цацками
после жизни, прожитой начерно —
пара-тройка байт информации.
Ничего. Для меня достаточно.

НЕ СПОРЮ

(поётся на мотив камаринской)

Ах ты тезис, тезис мой, тезисок,
что ж твой довод-то уходит в песок?

Не разит твой силлогизм, паразит,
и не развит месседж твой, не развит...

А покамест ты поник головой,
антитезисы топочут толпой.

Вот забьют тебя, как гвоздик, в тетрадь,
и синтезиса уж нам не видать.

Знать, дискуссия не наша стезя.
Нам и ввязываться в споры нельзя!

БЕЗЕ В ВАЗОНЕ

Отвлекись от погоды, еды, фонаря и аптеки.
Не по окнам глазей, а летай, удивляйся и пой.
Погляди, во дворе то ли половцы, то ли ацтеки
в пятистопный анапест вбивают стопу за стопой.

Пятикратный анализ ли щупает пульс антитела
и шукает кого-то, как та шebutная гармонь,
или в небе ночном пеленгует флюиды антенна,
в них врифмовывая в прошлом веке засохший гормон,
то ли солнце с любовью встаёт в дорогом Подмоскowie,
словно Вертер забаненный или Кармен у Бизе,
то ли бродят сомненья: зачем суета о здоровье,
когда так соблазнительно в ёмком вазоне безе!

ВОЗЬМИТЕ МЕНЯ!

Ах, возьмите меня в антологию!
Я ж поэт, а не кто-нибудь там!
Я стихи написал уже многие.
Знаю рифму и на «Мандельштам».
И душа у меня поэтичная,
так и реет небес поперёк.
Если надо — и по-неприличному,
то, что модно сейчас, я бы смог!
У меня и прозрения глубокие,
я и лирик, и я гражданин.
Ну, возьмите меня в антологию,
все же там, только я тут один...

ЖАР-ПТИЦА

В жару, в мороз ли, в хмарь осеннюю
летая по обыкновению
над потом быта обходимого,
рулю красот небесных мимо, но —
наткнушь на россыпи бесценные
не требующей объяснения
и не востребованной массами
необъективной информации.
И потирая руки зябкие,
из одеяла встану в тапки я
и без стыда застихотворствую,
дурным наклонностям потворствуя.
И хладнокровно, преднамеренно
поймаю, хоть в окно, хоть в дверь она,
красивую и бесполезную
жар-птицу синюю поэзии.

КОЧАН И КОЧЕРЫЖКА

Кочан морали, кочерыжка мысли...
Пустяк поступка или сила сна...
Куда ты, автор? На помойку? Ввысь ли?
Слепит ли славы лживая блесна,
как окуня какого-нибудь, гипно-
тизируя удавом водяным,
твою персону, творческую, типо,
и тайно примеряющую нимб?
Или по правде скроен ты и скромн,
вкушая честь, как уроборос²³ хвост,
кривясь от постных мастерства оскомин,
но компромиссов отвергая кость?
Забудь вопросы. Не чурайся риска.
Ответы все — мура и чепуха.
Ни тот кочан, ни эта кочерыжка
не стоят нотки твоего стиха!

²³ уроборос — змей, кусающий свой хвост.

АВГУСТ

Ав-	дид-	Слив	гроз,	Я б	съесть	Ар-	Прав,
густ:	жей	даст,	змей,	мог	пуд:	буз	густ
трав	дож-	грив-	груз-	яб-	фаст-	в кар-	ав-
куст,	дей.	аст,	дей.	лок	фуд.	туз...	густ!

Ав-
 густ:
 трав
 куст,
 дид-
 жей
 дож-
 дей.
 Слив
 даст,
 грив-
 аст,
 гроз,
 змей,
 груз-
 дей!
 Я б
 мог
 яб-
 лок
 съесть
 пуд:
 фаст-
 фуд.
 Ар-
 буз —
 в кар-
 туз...
 Прав,
 густ
 ав-
 густ!

* * *

Слова ко мне приходят отовсюду,
пиша себя и сами бормоча.
Ах, этих слов смурные пересуды
и букв переплетенья сгоряча!
Я, как садовник, отделяю плевел
от высокопородного зерна.
Ни ангел не указчик мне, ни дьявол.
Меня влечёт свободная волна.
Ни доброго не сею я, ни злого.
Моя задача состоит не в том.
Я реорганизовываю слово
примерно так, как яблоко Невтон.

КАК СТАТЬ КОРИФЕЕМ

Чтоб осуществить свои миражи,
дать судьбе подножку и нокаут,
надо быть похуже и погаже:
на верха хороших не пускают.
Извращенцем стать или тираном,
алкашом, абьюзером, фашистом
или, в самом варианте крайнем,
тихим аутистом в поле чистом.
Надо быть уверенным, как трактор.
Надо быть порывистым и страстным.
Надо проявить уметь характер.
И характер должен быть ужасным!
Вот тогда фортуна или кто там,
может, глянет на тебя такого,
и весомо, а не анекдотом
зазвенит твоё любое слово.
И замрёшь по праву в пантеоне.
И записан будешь на скрижали.
И тебя как классика в законе
издадут посмертно — тиражами!

СТАРАЯСЬ ПЕТЬ .

Стараясь петь и не терять лица
и памяти, как молодой да ранний,
перемещаюсь в сторону конца
неумолимого на свете пребывания.
Транзит души оставим на потом.
Пока замечу только как всезнайка:
я в следующий раз рожусь котом,
которого кастрирует хозяйка.
Потом я тонкой обернусь былинкой.
Но пропаду: меня сорвут с утра
в букет с крапивой и травой безликой
швырнуть на дно сортирного ведра.
Объятый жижей и зловонной массой,
так и погибну посреди помой,
заплаканный, размазанный и смятый,
сменить не в силах *жалкий жребий мой*.
Вплети в узор, судьба моя, сестрица,
ещё разок серебряную нить!
Дай мне однажды вирусом родиться
и в лёгких жизнью лёгкою пожить!

* * *

Я облысел, как Мандельштам
или какой-нибудь да Винчи.
А Пушкин кучеряв, как Блок
и нимбом шевелюр увенчан.
Есенин рус и русопят.
Маяк плешив, но рукотворно.
И реет а ореоле патл
Лукомников непревзойдённый.
Мы видим: волосатость не́
даёт ни тормоза, ни форы.
А я — поэт ли, не поэт —
но лыс и кое-как рифмую.

ДИАЛОГ С МАМОЙ

Сорок девятый год, жизнь почти что назад,
ещё до распри между Кореями.

— Мама, если Сталин умрёт, его оживят²⁴?

— Наверное, что-то такое придумают к этому времени.

²⁴ У меня язык не повернулся спросить «когда?», и я спросил «если?»

ТРЕХСТОПНЫЙ АМФИБРАХИЙ

Горит марсианское солнце.
в высокой дали голубой.
Как будто невидимый спонсор
на кассу кладёт золотой.
Глобальная, как потепленье,
наскрозь прозирая нутро²⁵,
во всех сорока направленьях
ползёт паучиха метро.
Топорщится времени карма
поверх континентов и стран.
Футурум нагрянул ударно,
решительный, как д'Артаньян.
Мохнатятся почки на вербе.
От власти рычит КГБ.
Обдумать, какое *ихь штербе*
сказать напоследок себе.

²⁵ В московском транспорте за пассажирами будут следить видеокамеры.

В МИРЕ МУЗЫКИ

я лирикой себя не мучаю
не отражаю страсти-горести
ведь мне важны одни созвучия
да небывалой рифмы поросли
ну что мне например политика
или положим эколожество
или вмешательство поллитры как
спасения от бед что множатся
они конечно мне темяшатся
и озабочен многократно я
но не впускаю их сумятицу
в миры приватные приятные
я проживаю в мире музыки
а не какой-то там реальности
лишь с верхней сферой союзник я
что́ мне до низменного яруса

КОЕ-ЧТО О ЛАМАХ

От ламёнка, от малютки
не отходят целы сутки
мама-лама, папа-лам,
мама с папой пополам.
Потому что и у ламы
есть и папы, есть и мамы.
Потому что даже лам
различают по полам.
Даже священнослужитель,
он почти что небожитель,
но, не прячась по углам,
не акрид ест поп, а лам.
Завершу с известным риском:
депутатам и министрам,
ламам и аятоллам
нет вкуснее попы лам!

БЕСПОЛЕЗНЫЙ, НО НЕ ВРЕДНЫЙ

*Когда б вы знали, из какого сора
нам всем и всё творить придётся скоро!
Давно уж человечеству охота
избавиться от каждого отхода.*

Выдаю себя за якобы поэта.
То хватаюсь за перо, то за курсор.
Для стихов из каждой урны и кювета
отбираю самый качественный сор.
Из которого леплю я и ваяю
безделушки без оглядки на букварь,
как какой-нибудь препод из ОИЯИ²⁶
ежедневно интегрирующий кварк.
Не по делу, а ля-ля и словоблудье,
лишь бы рифму покурчавей завернуть.
А всю жизнь стоять на этом перепутье —
очень многих из не очень славных путь.
Если кто меня осудит — это бредни.
Ихний суд мне что с вареньем пирожок.
Я хотя и бесполезный, но не вредный,
что уже в каком-то смысле хорошо.

²⁶ Объединённый институт ядерных исследований в Дубне.

ЧЕТВЁРТОЕ НОЯБРЯ

Александыр Невский
спас нас от Европы.
Он не зря с Ордою
слил свои штыки.
А не то сейчас бы,
пря друг друга в попу,
не на баб кидались бы
наши мужики.
Нам бы толерантность
руки все связала,
мы бы в Папу верили
и попали б в ад.
Ни евроремонта, ни сарай-базара...
Маму с папой стали бы
мы нумеровать.
В общем, дядя Саша,
ты и на экране,
и на главной площади,
и вообще в чести!
Что бы с нами было,
кабы ты тогда не
омочил в Чудозере
славные усы!

КОМПОЗИЦИЯ №4

по улицам скачут
кузнечики фордов
и ящерки ползают
маск-пешеходов
взрывается провод
как-будто бикфордов
и недоломавший
свой кий епиходов
летает над гвалтом
беременным чёртом
ища за вокзалами
талого места
не он ли и станет
тем чудным четвёртым
кому всё открыто
от зюйда до веста
а в небе рисуя
круги и семёрки
танцуют мутанты
они интроверты
они трансвеститы
в преддверии порки
они запечатаны
в веры конверты
так вынем же смело
козюли протеста
из гневных капотов
мятущихся конок
пока в облаках
неизменное престо
скрипят тараканы
подвалов балконных

СТЕРЖЕНЬ

Не пресмыкнусь коленопреклонённо
и не склонюсь рогозом у реки.
Мой стержень это Пятая колонна,
а к ней уже крепятся позвонки.
Как голос, моя внутренняя поступь.
С востока марширую на закат.
И всяко лыко ощущаю остро,
и — в стрóку, как патроны в автомат²⁷.
Закат горит всё ярче и призывней.
От перегрева светится строка.
И я вскипаю в праведном порыве.
Но на вербальном уровне. Пока.

²⁷ *Вариант: как пистолы в банкомат.*

ПРОИСШЕСТВИЕ

Петрарка, Кафка и Гомулка
шли без парней в ночи из бара.
А им навстречу злая урка
и финским ножиком играла.
Бычок во рту, как минифакел,
у ней дымился, непогашен,
и сразу мысли о маньяке,
к тому же Родину продавшем.
Девчонки с визгом — врассыпную
неосвещёнными дворами.
Вороны сонные проснулись
и по-вороньи заорали.
Бежали девки то под горку,
то вверх, и наконец догнали
нетрезвую подружку Лорку
изнеможения на грани.
Тут урка выразилась крепко,
хлебнула алкоголь из фляги...
Ночной зефир метелил ветки
и государственные флаги.

P.S. Губной помадою алея,
за ними мчалась Гамалея.
Бежала спьяну враскорячку
и опрокинула маньячку!

ТАК БЫ И ЖИЛИ

Если бы Ева не слопала яблоко,
змею дала бы достойный отпор,
мы, не теряя морального облика,
так бы и жили в раю до сих пор.
Славили бога бы сладкими песнями
в райские ночи и в райские дни.
Пели бы звонче, чем птицы небесные,
ибо не вили бы гнёзд, как они.
Не было бы отвлекающих факторов
от неземных бестелесных основ.
Нам бы не знать ни тракторов, ни тракторов,
космоса, твиттера, войн и трусов.
Мы из огня не кидались бы в пóлымя,
мы бы скелетов не прятали в шкаф.
Были бы вечными, юными, голыми,
даже и девушки! Это же кайф!
Мы б не страдали, как юные Вертеры
и не ломали б экранами глаз.
Рожа помятая в утреннем зеркале
не напугала спросонок бы нас.
Нам не лабали бы музыку лабухи,
Нам бы псалмы заменили стриптиз...
Милая девушка! Скушайте яблоко!
Только с него начинается Жизнь!

* * *

В невидимом аспекте бытия,
как смерть кощя, скрытая в футляр,
буянит карлик, маленькое «я»,
и выпускает нездоровый пар.
Хохочет и химичит словесом
и скачет, словно вовсе не москаль.
Но скок его нелеп и невесом,
сколь судорожно зубы он ни скаль.
Бубни в свой бубен, всем кажи свой фиг.
Трилистник, словно знамя, поднимай.
Орудуй зубочисткой вместо пик
и лишь сердечка отключи вайфай.
Не глядя на бушующий дурдом,
держи свой тон, я тоже подпою,
и выдюжишь, и что же, что с трудом,
игрушку виртуозную свою!

ДОЖДАЛИСЬ

пели дифирамбы
рисовали ромбы
танцевали румбы

радовались вoble
выдавали дубли
слали дирижабли

тратили зарплаты
жарили котлеты
рушили оплоты

потрясали грозно
видели сквозь призму
дождались маразма

опоздал

Тихо в комнате. Окно.
Занавешено оно.
А за ним какой-то шум и света блики.
Лаает пёсик с потолка.
В унитазах течёт река.
И на полках непрочитанные книги.
Домосед — не пассажир.
Повидать бы внешний мир!
Я ж окрестностей и то не видел даже.
Мне давно пора туда,
где горит моя звезда.
Вот я тронулся с изящным саквояжем.
На вокзале суета.
Не отыщешь ни черта.
Тут ни касс, ни туалета, ни буфета.
Где же кофе и боржом?..
Каждый с толстым багажом.
и в зубах торчит окурок, как конфета.
Наконец-то поезда!
Разобраться б, кто куда...
Жарко дышат, как драконы-бронтозавры.
Этот едет на юга,
ох, дорога дорога,
тот в депо, а тот вообще куда-то в Лавру.
Поезд Болдино — Парнас
оказался не про нас.
Эй, кондуктор, обожди, хотя бы свистни!..
Опоздал. Ну, ничего,
обойдёмся без него.
и устроим персональный праздник жизни.

ПАРАЛЛЕЛЬ

*...и уж ты не сможешь больше
шевелинуться и вздохнуть... — Н.Г.*

Поскорей забудь полуночные тени,
толчею их неразгаданных суёт.
Параллельная реальность сновидений
к нашей перпендикуляром восстаёт.
Как бы неосуществившая нигде ни
результата стопудового, как гнёт,
словно векторное вдруг произведение,
в измерение четвёртое воткнёт.
На чужбине ты окажешься «не местный»,
а попробуешь взглянуть на небеса —
засверкают не знакомые созвездья,
а зверюги повсеместные глаза.
Всё завертится, но в сторону иную
пируэтом и при этом поперёк.
То, что было позади и одесную,
переместится налево и вперёд.
Грянет гром от неуверенного взора,
боль пронзит тебя от носа до кишок.
От неё не отмахнёшься как от вздора.
Неизвестно, пробудишься ли ещё.
Так что бойся этих сумрачных иллюзий,
от которых не один уж окошел,
и останешься не в минусе, а в плюсе.
А не то — иди в иную параллель.

ЭТОТ МИР

Время, паяц и мим,
машет, кивает лжёт.
Всё ещё этот мир,
а не какой-то тот.
Так же светло с утра,
и однозначно «да».
И, как вчера, мокра
правильная вода.
Птицы изволят петь.
Правда течёт, как воск.
Слаженный интеллект
лезет в укромный мозг.
Катится без дорог
ветреный колобок.
Прячет в напёрсток боб
жуликоватый бог.

ЭПИТАФИЯ

Преисподняя, лови
как бы человечка!
Умер-шмумер Воловик,
а хотел быть вечно.

Хоть его не прихватил
ни insult, ни люэс,
всё одно, сыграл в утиль,
тут не забалуешь!

Так что, милые друзья,
в том числе и френды,
скиньтесь по два-три рубля
на венки и ленты.

Он выделявал стишки,
ждал от вас ухмылки.
Справьте же своё хи-хи
на его могилке.

НАРОД СОГЛАСЕН

Вне света, без продуктов и без времени
и шёпотом на кухнях говорили...

А тут вдруг: Гласность, Перестройка, Ускорение!
Кругом Апрель. Весна и эйфория.

А как империя-то Зла была раскокана,
и с нами вся Америка дружила,
акростихия перестроечного слогана
уже тогда меня слегка насторожила.

Я думал, совпадение случайное,
не возродиться суке феликсу из хлама...
А вот уж ректор приторговывает тайною,
да не простой, а государственною прямо.

Вот юноша: пописал спьяну в скверике,
что — скверно. Штраф ему в таком пассаже!
Но оказалось, он агент Америки,
фанат фашистов! Уличён. Посажен.

А публика молчит, на ус кумекая:
гляди-ка, как враги на нас лютуют!
Ух, мы им щас! И будет не до смеху им.
И верхнему начальству салютуют.

И вот, услышав дудку крысоловскую,
в восторге от воинственного писка
и с песнями, борясь и славословствуя,
весь наш народ согласен утопиться.

НИЧЬЯ

Политические танцы —
ураган воды в стакане.
Нас убьют американцы
или, может, англичане.
Но и мы их уничтожим,
постреляем из ружья.
Ноль на ноль легко умножим
и получится ничья!

2022

ПРО СКРЕПУ

На манер параллельного пипеда
без единого злобного выпада
как препод преподам вам без трепета
пресловутую притчу: про скрепу-то

В строку текста, реально забытого,
по совету сенсея набитого,
в соответствии с новыми вкусами,
вставлю прошлого славные бусины.

Чтоб в пылу напускного нетления,
поднимая с колен поколение,
не налево с молебнами зариться,
а на хлева нехлебную задницу.

Без дивайса седым вам пристало ли
пробиваться простыми фристайлами!
Разве не удостоены вечно вы
домостроя устоями млечными!

Упиваться смеясь ли, во гневе ли
вам сирен боевыми напевами!
Беспокоиться стоит ли истово,
что история столь небатистова!

В ОЖИДАНИЕ РАЗВЯЗКИ

Команда звучала чуть слышным фальцетом.
Сердца согласованно били тревогу.
А в сумрачном небе невнятного цвета
заместо привычно всеблáгого бога

четыре тайфуна свистали в две смены,
и тучи сгущались, и слышался рокот
расчётливых дронов, и выли сирены,
и сторож по имени Поволероков

таинственно мёл коридор промокашкой
под вычурным ником и в сером прикиде.
А дроны неслись с парадигмой тяжкой,
и птицы им пели: придите, придите!

Шарахались мысли, скача на ухабах
смурных силлогизмов, и тени видений
о некогда бывших знакомыми дамах
уже побледнели и заиндевели.

С трудом поспевали не наши пострелы,
блистали весомым набором регалий.
И пешие люди хватались за стены,
стремглав, тормозили и снова стремглави.

В замедленной панике время кипело.
От лиц отлетали ковидные маски.
То пахло озоном, то яндексом пело.
И всё напряглось в ожидание развязки.

СОДЕРЖАНИЕ

I

Январский вечер.....	3
МУЗЫКА.....	4
Бог создал бороду.....	5
ОТЛАДКА.....	6
Извилины — как ясли мысли.....	8
Как сказать — тихо, или погромче?.....	9

II

МУЗЕЙ.....	10
ЦИРК.....	11
АВГУСТ-91.....	12
ОКТЯБРИ.....	13
В понедельник каждый-всякий.....	14

III

БЕЗДЕЛУШЕЧНЫЙ МАСТЕР.....	15
СТАНСЫ РОБИНЗОНУ.....	16
ПОХВАЛА АЛФАВИТУ.....	17
УРОКИ МУЗЫ.....	18
СЛОВО ЗА СЛОВО.....	19
ВИРТУАЛЬНОЕ БЕССМЕРТЬЕ.....	20
ЛЕТАЯ, ЛИКУЯ, ИГРАЯ.....	21
ДУБЛЁРЫ.....	22
ВАЖНО, ЧТО СОЛНЦЕ.....	23
БУКВЫ И ЦИФРЫ.....	24
МУДРОСТЬ + МАСТЕРОВИТОСТЬ.....	25
ШТУКИ.....	26

IV

В ФИАЛКОВЫХ ПОЛЯХ.....	27
26 МАЯ 1966 ГОДА.....	28
АХ, СИЛЛОГИЗМ!.....	29
ВЕДЬМИН МУЖ.....	30
МОЁ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО.....	31
Я не живу с твоей карточкой.....	32
ЛИРИЧЕСКИЙ СТАРИК.....	33
ЧЕЛОВЕК-МИРОЗДАНИЕ.....	34
ЧАЙНИК.....	35

ЗВЕРУШКА-66.....	36
Птица голубь на фоне помойки.....	37
КНИГА ЧУДЕС.....	38
АНТОНОВКА.....	39
СКАЗКА.....	40
ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ.....	41

V

СЛУЧАЙ С ВОЕННЫМ.....	42
ПАУК И МУХА.....	43
БУБНЫ И ДРУГИЕ МАСТИ ЛУНЫ.....	44
Нагляжусь из окна.....	45
ВСЯК.....	46
ЭТЮД.....	47
ЗВУКОВОЕ.....	48
Палиндромы, анаграммы.....	50

VI

ВЕК МНОГОЯК.....	51
ВРЕМЯ ПЕРЕМЕЩАЕТСЯ.....	52
ДЕЛА СУДЕБНЫЕ.....	56
Забудь каток и колесо.....	57
ВОЛОВИК ЛЕКАРСТВЕННЫЙ.....	58
НЕОБЪЯСНИМАЯ ДУША.....	59
Ни вздоха, о друг мой, ни вздора.....	60
ПАРАД ПЛАНЕТ.....	61
КРЕСТИКИ-НОЛИКИ.....	62
ЧТО ДЕЛАТЬ?.....	63
ПИШИ ПРОПАЛО.....	64
СЛЕДУЮЩАЯ ЖИЗНЬ.....	65

2007

ПОХМЕЛЬНОЕ.....	66
-----------------	----

2014

Я КАК ПУШКИН.....	67
УРОКИ МУЗЫКИ.....	68

2015

Когда без видимых причин.....	70
ЯЩЕР.....	71

2016

ЛАЙКИ.....	72
ПОТОМУ ЧТО.....	73
КТО-ТО ГЛОБУС ВЫКИНУЛ.....	74
БАРИН КОЛЕСА.....	75
В ПОТЁМКАХ.....	76
ФИГУРЫ СНА.....	77

2017

В ЭТОЙ СТРАНЕ.....	78
В ТРАМВАЕ.....	79
ГДЕ БЫ НИ БЫЛ Я.....	80

2018

МИР БЫЛ ПРЕКРАСЕН.....	81
МОСКВОСТРОЙ.....	82
УТИ-ПУТИ-МУТИ.....	84
В ЧЕБУРЕЧНОЙ «ДРУЖБА».....	85
LEGO ЖИЗНИ.....	86
НЕ УМ, А ЗВУК.....	87
ПАССИОНАРНОСТЬ ПАССИВА.....	88
И СКЛАДНО, И НЕСКУЧНО.....	89
ФЕРМАТА.....	90
В СЕДЬМОМ ИЗМЕРЕНИИ.....	91
Раз сказал я Гале, рея.....	92
О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ.....	93

2019

Тихо сеть плетёт паук.....	94
Стою на том, что.....	95
ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ГЕРЦИКА.....	96
НЕ ДО СЕМАНТИКИ.....	97
НЕАСТРАЛЬНОЕ.....	98
ВПРИСЯДКУ.....	99

2020

ПРО ЛЮБОВИ.....	100
Серебристое сердце.....	101
ПЕСНЬ ПЕНСОВ.....	102
СИГНАЛ.....	103

светиться сиять.....	104
неумение этого лета.....	105
Точно враги.....	106
ФЕЙКИ.....	107
ДЕТИ.....	108
ДЛЯ СЕБЯ И НЕ ТОЛЬКО.....	109
Надо так, чтоб.....	110

2021

ПЕРЕДОВЕРЯЮ.....	111
ЦОК, ЦОК.....	112
Я не увижу.....	113
ЩЕПЕТИЛЬНЫЙ И УДАЛОЙ.....	114
Буду мастеровито.....	115
КОЛОКОЛЬЧИК.....	116
РОЮ ЯМКУ.....	117
В МИРУ ЛЮДЕЙ.....	118
ДООС и СООД.....	119
ПЕРЕМЕНА ПОЛУШАРИЙ.....	120
Утро конца апреля.....	121
СИЛА БОТАНИКИ В СИЛЛАБОТНИКЕ.....	122
Я НЕ.....	123
ЛЕС БУКВ.....	124
ПЕРИОДЫ.....	125
НИ ВНУТРИВЕННО.....	126
ВОТ ТАК ТАК!.....	127
УТРО.....	128
НЕ В ПОЛНЫЙ ГОЛОС.....	129
НЕ СПОРЮ.....	130
БЕЗЕ В ВАЗОНЕ.....	131
ВОЗЬМИТЕ МЕНЯ!.....	132
ЖАР-ПТИЦА.....	133
КОЧАН И КОЧЕРЫЖКА.....	134
АВГУСТ.....	135
Слова ко мне приходят.....	136
КАК СТАТЬ КОРИФЕЕМ.....	137
СТАРАЯСЬ ПЕТЬ.....	138
Я облысел, как Мандельштам.....	139
ДИАЛОГ С МАМОЙ.....	140
ТРЕХСТОПНЫЙ АМФИБРАХИЙ.....	141

В МИРЕ МУЗЫКИ.....	142
КОЕ-ЧТО О ЛАМАХ.....	143
БЕСПОЛЕЗНЫЙ, НО НЕ ВРЕДНЫЙ.....	144
ЧЕТВЁРТОЕ НОЯБРЯ.....	145
КОМПОЗИЦИЯ №4.....	146
СТЕРЖЕНЬ.....	147
ПРОИСШЕСТВИЕ.....	148
ТАК БЫ И ЖИЛИ.....	149
В благом аксессуаре бытия.....	150
ДОЖДАЛИСЬ.....	151
опоздал.....	152
ПАРАЛЛЕЛЬ.....	153
ЭТОТ МИР.....	154
ЭПИТАФИЯ.....	155
НАРОД СОГЛАСЕН.....	156
НИЧЬЯ.....	157

2022

ПРО СКРЕПУ.....	158
В ОЖИДАНИЕ РАЗВЯЗКИ.....	159

Александр ВОЛОВИК

ПАРАД ПЛАНЕТ

Стихи

Компьютерная вёрстка: Александр Воловик
Аннотация: Нина Огнева

Подписано в печать 21.01.2022.

Гарнитура Verdana. Бумага офсетная.
Печать трафаретная.
Тираж договорной
Текст публикуется в авторской редакции

Издательский Дом «Вручную»